

Григорий Шепелев

Последняя лошадь Наполеона

роман

18+

Григорий Шепелев

Последняя лошадь Наполеона

«Автор»

2014

Шепелев Г. А.

Последняя лошадь Наполеона / Г. А. Шепелев — «Автор», 2014

Скромная девушка Света, работающая уборщицей в театре, поселяется в одной квартире с предпринимательницей по имени Рита. Вскоре она узнаёт, что её соседкой очень интересуется ФСБ, а дом, в котором они живут, известен загадочными смертями. По нему бродит некое существо, которое звонит в двери к красивым женщинам, вскоре после чего они сводят счёты с жизнью...

© Шепелев Г. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Все герои этой истории на страницах романа имеют вымышленные фамилии и имена. Любые их совпадения с именами и фамилиями реальных людей являются случайными.	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава четвёртая	27
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Григорий Шепелев

Последняя лошадь Наполеона

**Все герои этой истории на страницах романа
имеют вымышленные фамилии и имена.
Любые их совпадения с именами и фамилиями
реальных людей являются случайными.**

«Аппарат абонента выключен или
находится вне зоны действия сети».
Автор неизвестен

Часть первая

Глава первая

– Не смотри ты на него, милая! К тем, кто долго на него смотрит, беда приходит. Почитай Откровения святого апостола Иоанна: «Конь белый, хвост аки змий!»

Света вздрогнула, повернула голову. Перед ней стояла старушка с добрым лицом, одетая очень бедно. Из её глаз, от взгляда которых делалось очень грустно и очень стыдно, просились слёзы.

– Пожалуйста, не смотри, – тихо повторила она. – Мой внучек сидел тут пять лет назад, ждал девчонку и всё смотрел на этого дьявола! А через полгода ослеп.

– Ослеп?

– Да, совсем ослеп. И с собой покончил.

У Светы слов не нашлось. Старушка их, впрочем, и не ждала. Ещё пуще сгорбившись и взяв сумку в другую руку, она зашаркала к лестнице под табличкой «Выход к Третьей Владимирской улице». Проводив её взглядом, Света перевела его на часы. Двадцать три пятнадцать. Интересно, откуда бабка приехала почти ночью, с тяжёлой сумкой? Не иначе, с поминок.

За спиной Светы с грохотом выехал из тоннеля поезд. Остановился. Раньше, чем двери его закрылись, выпустил человек шесть-семь, ещё более оглушительно подкатил к другой стороне платформы его брат. Народ повалил из него толпой. А через минуту вновь стало тихо. Встав со скамейки, Света нервно прошла. Сильнее всего её раздражала в людях непунктуальность. Именно раздражала. Ненависть тут была ни при чём. Ненавидеть можно лишь тех, кого близко знаешь. А как иначе? Возненавидишь кого-нибудь – а потом окажется, что напрасно! С теми же, кого ждать приходится час, близких отношений лучше избегать твёрдо, категорически. Повторив себе это, Света решила уйти в одиннадцать тридцать. Сегодня ей ещё было куда идти. Хозяйка сказала, что её дочь приезжает завтра под вечер. Стало быть, комнату надо освободить до пяти часов. У неё в запасе – вся ночь и почти весь день. Паниковать рано. Да, безусловно рано. Паниковать она будет завтра, когда окажется с тремя сумками на морозе минус пятнадцать. Куда идти тогда? На вокзал? У Светы раздулись ноздри. Чёрт принёс эту бабку с добрым лицом! Как будто неясно и без неё, что всё – очень плохо!

Платформа была пуста. Казённый ледяной свет давил из глаз слёзы. Ну, сколько там? Двадцать три двадцать две...

– Светлана?

– Да, это я! – воскликнула Света. И лишь затем повернулась. Должно быть, её лицо в тот момент было очень жалким, так как самоуверенная блондинка в коротком пуховике и джинсах очень смутилась и заморгала.

– Ты извини, пожалуйста! Я, как правило, не опаздываю на встречи. Но у меня в дороге забарахлил карбюратор, и мне пришлось его ремонтировать. На морозе! Можешь себе такое представить?

– Нет, не могу.

Действительно, трудно было это представить, хотя цвет глаз говорил о том, что блондинка – вовсе даже и не блондинка, а руки – очень изящные, с маникюром, были грязнее фантазии онаниста. В одной руке девушка держала сотовый телефон, а в другой – перчатки.

– А что подделаешь? – усмехнулась она, заметив, что Света смотрит на её пальцы. – Тому, кто взял отечественную машину, можно через полгода давать диплом инженера! Ну что, пошли? Да я это, я! Меня зовут Рита. Честное слово, я тебе набирала, но ты была недоступна!

– Я почему-то думала, что ты старше, – сказала Света, стремительно поднимаясь вслед за новой знакомой по лестнице к турникетам.

– Так ты ведь мне в семь утра звонила! А у меня спросонок голос – на две октавы ниже обычного. Я, впрочем, старше тебя. Тебе сколько?

– Двадцать один.

– Мне – двадцать четыре. А кто тебе дал мой номер? Лариска из обувного отдела универмага? Или администраторы из салона?

– Нет, не они. Я этих людей не знаю. А тот, кто дал, просил его имя не называть.

Рита призадумалась.

– Кто бы это мог быть? Почему шифруется?

– Я не знаю. Но вы подруги с ней.

– Ариана, что ли? Но я ей вроде не говорила, что собираюсь комнату сдать!

– Значит, не она. Другая подруга.

– Странно. Загадочно. Удивительно. Ладно, выясним.

Они шли уже по подземному переходу, мимо ярких витрин с товарами повседневного спроса. Косо приглядываясь к улыбчивой претендентке на диплом инженера, Света заметила, что она двигается на шпильках с модельной грацией, очень мило смеётся и смотрит очень проникновенно. Благодаря этим самым шпилькам лихая автолюбительница казалась ростом повыше Светы, хотя реально была пониже – примерно метр семьдесят два.

– Купи влажные салфетки, пожалуйста, – попросила Рита, остановившись перед одним из ларьков. – Если я такими руками в карман полезу, куртку не отстираешь!

Света исполнила эту просьбу. Оттерев руки дочиста, Рита вынула деньги и, расплатившись с нею, купила «Орбит без сахара».

– Будешь?

– Да.

– А пива не хочешь?

– Нет, не хочу. Пошли! Уж скоро двенадцать, мне вставать рано.

Но перед лестницею вверх путь девушкам преградили два милиционера в бушлатах. Им было холодно.

– Документы, пожалуйста!

– Документы? – переспросила Рита с таким неистовством, будто ей предложили показать задницу. – Вы с ума сошли, господа! С чего вы решили, что у нас есть какие-то документы?

– Если их нет, придётся пройти.

Света извлекла из пальто студенческий билет МГУ. Один из милиционеров его скептически осмотрел.

– А паспорт имеется?

Был предъявлен и паспорт.

– А! Так вам наши документы, значит, нужны? – воскликнула Рита, потянув книзу молнию куртки.

– А чьи ж ещё?

– Да глядя на ваши физиономии, я подумала, что вы требуете у нас свои какие-то документы, которые мы украли!

У Риты были водительские права. Они вопросов не вызвали. Тема её дипломной работы – красная затонированная «девятка» с литыми дисками и фаркопом, стояла рядом с метро. Узкоглазый дворник старательно отбивал лопатой с её порогов плотные пласты грязи. Рита дала ему пятьдесят рублей за сторожевые услуги. Он, поблагодарив, отошёл. Двигатель машины работал, а в замке зажигания, соответственно, торчал ключ.

– Боялась, не заведу, если заглушу, – объяснила Рита, садясь за руль, в то время как Света садилась рядом. – Короче, надо её в ремонт отдавать! Значит, ты студентка?

- Да.
- И москвичка?
- Да.
- А почему дома не хочешь жить? Родители пьют?

– Да, ещё как пьют! Притом исключительно мою кровь.

Рита засмеялась и, включив поворотник, вырвалась в поток. Машины еле ползли, так как на Москву обрушился снегопад. Он не прекращался вторые сутки.

- А чем они занимаются в остальное время?
- Работают.
- Так они стабильно снабжают тебя деньгами?
- Да. То есть, нет! Я тоже работаю со среды. Меня взяли в театр.
- Ух, ты! В какой?
- Ну, в этот, который здесь, на соседней улице.
- Знаю, знаю! Так ты ещё и актриса? Буду ходить, смотреть на тебя.
- Да нет, я уборщицей там работаю.
- В самом деле? Какие же там актрисы? Мне прямо до смерти захотелось на них взглянуть!

Света улыбнулась, хотя ей было не слишком весело.

– Я снимаю квартиру недалеко от этого театра, – продолжала Рита, опять включив поворотник и резко затормозив перед светофором.

- А, ты снимаешь эту квартиру? – разочарованно проронила Света. – Я и не знала!
- Ну, да. В квартире – две комнаты. Мне так много не надо, а платить дорого.
- А хозяева возражать не будут?
- Да пусть попробуют!

Этот бравый ответ, понятное дело, Свету не удовлетворил. Но она решила всё же взглянуть на то, что ей предлагали. Рита, тем временем, закурила «Мальборо Лайт». Когда загорелся зелёный свет, она дала резкий старт и, свернув налево, где движение было не таким плотным, разогнала машину до третьей скорости. Через полкилометра последовал ещё один поворот налево, короткий путь по прямой и заезд во двор сталинского дома.

– Ну, всё, приехали, – сообщила Рита, остановив машину перед одним из подъездов, и повернула ключ в замке зажигания. – Если что, толкнёшь. Впрочем, не поможет – ведь в карбюраторе вся беда, а не в аккумуляторе! Короче, надо её в ремонт отдавать.

– Тихое местечко, – сказала Света, глядя по сторонам. – Какое-то слишком тихое!

Рита, выдернув ключ, зевнула и потянулась.

- Так это ведь хорошо! Зачем тебе шум? Пошли?
- Ну пойдём, посмотрим, что за квартира.

Замок подъездной двери был сломан – входи, кто хочешь! На лестнице царил сумрак и пахло затхлостью. Но квартира, к которой пришлось подняться по четырём высоким, крутым пролётам, мигом заставила позабыть про все эти казусы. Её дверь, отпертая Ритой посредством пары ключей, любой из которых мог быть использован в фильме про Буратино, несокрушимо звякнула сталью. Прямо как в бункере. Высота потолков была впечатляющей, как и площадь всех помещений. Ремонт был, правда, желателен, но терпимо.

– Вот твоё комната, – приоткрыла Рита резную дверь с латунными ручками. – Входи в обуви, всё равно пора уже мыть полы! Выключатель – справа.

Света нажала на выключатель. Музейного вида люстра как-то уныло, заспанно, неохотно отвоёвала у мрака все закоулки обширного помещения. И у Светы перехватило дыхание. Вот так комната! Под стать люстре был и диван, и стол, и низкий дубовый шкаф с тремя створками, и комод, и зеркало, и два стула. Пол был паркетным. Две половицы скрипнули под ногами Светы, но так, будто бы приветствовали её от лица всей комнаты.

– Мрачновато, да? – поинтересовалась Рита с порога.

– Да, очень мрачно! Но классно! Я обожаю такие комнаты! Красотища!

Эти слова вырвались у Светы непроизвольно. Она забыла о том, что вошла с намерением придаться к чему-нибудь и уйти. Обстановка сороковых годов её потрясла. Вся мебель – из дуба! Письменный стол и монументальный комод даже с инкрустациями! С ума сойти! А зеркало в резной раме! Интересно, сколько за сотню или две сотни лет отразилось в нём разных лиц с их радостями, печальями и тревогами? Не гляделись ли в него барышни, собиравшиеся бежать из Москвы после Бородинского поражения? Ой, а окна со сводами! А часы с кукушкой! Сев на диван, Света ощутила себя графиней Элен Безуховой.

Рита уже снимала в прихожей свои изящные низкие ботильоны, сидя на стуле.

– А мне эта комната не понравилась, – заявила она. – Знаешь, почему? Потому что в ней как будто всё время кто-то присутствует.

– Это точно!

– Будешь с ним жить?

– Да, буду. Знаешь, чего, мне кажется, не хватает здесь? Шкафа с книгами. Какие-нибудь собрания сочинений в сотнях томов, с потёртыми переплётами!

– Этот хлам стоит в моей комнате. Если что, передвинем. Когда ты переезжаешь?

Взглянув на кукушкин домик, Света задумчиво поднялась и вышла из комнаты в коридор. Её новая соседка уже стояла там перед зеркалом, подвергая осмотру маленький прыщ под носом. Джинсы на ней были облегающими, как и тонкий шерстяной свитер с высоким воротом. Света, которой было о чём напряжённо думать в данный момент, невольно залюбовалась её спортивной, тонкой фигурой. Пытаясь выдавить прыщ, Рита повторила вопрос.

– Завтра, до пяти, – ответила Света. – Дольше задерживаться нельзя. К хозяйке приедет дочь. Я сейчас живу в её комнате.

– Очень жаль, что позже нельзя. Я завтра буду свободна только после десяти вечера, да и то если повезёт. Тебе есть кого попросить перевезти вещи?

– В принципе, да. У нас половина трупы и почти вся бухгалтерия – на машинах. А если мы...

Тут Света запнулась, обуреваемая сомнениями. Немедленный переезд, даже если Рита на него согласится, займёт не менее двух часов. Сейчас уже за полночь. Вставать рано. Но, с другой стороны, общественный транспорт уже не ходит, и ей придётся ловить машину, чтобы часок подремать под пьяные крики там, откуда она съезжает. А денег мало.

Рита, между тем, слегка распушила волосы щёткой и повернулась.

– Давай сегодня. Где ты живёшь?

– На Щёлковской.

– Ну, поехали!

И опять взяла ботильоны с толстыми металлическими набойками. Не садясь, стала их натягивать. Света снова заколебалась.

– Знаешь, там может произойти скандал, если мы приедем! Хозяйка мне строго-настрого запретила кого-либо приводить после девяти.

– Тебя это беспокоит?

– Если она реально начнёт орать, её муж проснётся! А он – бывший профессиональный боксёр со справкой из дурки.

– Тебя это беспокоит?

– Да как сказать? Если эта горилла с огромными кулаками на нас полезет, возникнет очень серьёзный повод для беспокойства!

– Да ерунда! Какой там этаж?

– Десятый.

– Отлично! Бывший боксёр с тоски по славному прошлому выпил водки и дверь с окном перепутал. Такое часто бывает. Баба со страху всё подтвердит.

Столь необыкновенная лёгкость в мыслях больше обескуражила Свету, чем окрылила. Но Рита уже надевала куртку, одновременно запихивая в карманы «Мальборо», зажигалку и телефон. Спустя пять минут красная «девятка» с двумя соседками опять мчалась сквозь снегопад по ночному городу, благо что карбюратор на этот раз не подвёл. Транспорта на улицах стало меньше, что позволяло снегоуборщикам проявлять большое усердие. Оно, впрочем, не приносило плодов – сугробы с обеих сторон дорог всё росли, колёса же буксовали всё более основательно. Когда Рита сворачивала на Шоссе Энтузиастов, её мобильник заиграл танго. Даже не завершив манёвра, она спокойно вышла на связь.

– Алло! Это ты, телёнок? Нет, не могу. Сегодня я не могу. Нет, ко мне подруга переезжает, мы перевозим шмотки. Я за рулём, твою мать! Тут скользко!

Сходный по содержанию, но по форме гораздо более грубый ответ был дан на Главной аллее Измайловского парка слишком пылливому поросёнку, затем цыплёнку.

– У тебя что, зверинец? – спросила Света. Рита закуривала, дожидаясь зелёной стрелки на Первомайскую.

– Ферма у меня, ферма! Я занимаюсь сельским хозяйством.

– Ты не очень похожа на деревенскую бабу.

– Серьёзно?

– Да. Кстати, у тебя очень много общего с Умой Турман.

Рите стало смешно. Срывая машину с места, она воскликнула:

– Обалдеть! Спасибо. Могу заметить в ответ, что и ты не очень похожа на поломойщицу.

Мотор с рёвом тянул машину под сто. Мелькали дома, фонари, витрины. Глаза у Светы слипались.

– На какой улице ты живёшь? – спросила у неё Рита, выруливая на Щёлковское шоссе с Шестнадцатой парковой.

– На Байкальской.

– Я про такую ни разу даже не слышала! Ты дорогу знаешь?

– Да. Пока прямо.

Рита разогнала машину до пятой. Это не помешало ей взять второй звонок поросёнка и даже матерно разругаться с ним.

– За метро – налево, – руководила Света. – Потом – направо и прямо.

К часу доехали. Двор многоподъездного дома замело так, что «девятка» чуть не увязла. Рита припарковала её метрах в сорока от подъезда – ближе к нему места были заняты.

– Заглуши, – порекомендовала Света, – тут разные ошиваются.

В лифте Рита вынула сигареты и закурила. Света закашлялась. Сигарета тотчас была погашена.

– Извини.

– Ничего. Ты можешь при мне курить. Я так, от волнения.

Волновалась Света не зря. Первым, что увидели девушки, оказавшись в квартире, дра-ную дверь которой Света открыла почти бесшумно, было лицо хозяйки – красное, энергичное, с крокодильей пристальностью в глазах и суровым ртом. Из него очень далеко разило портвейном. Мощное тело пятидесятиррёхлетней беззубой дамы было обтянуто пыльным платьем семидесятых годов. На её ногах были туфли с пряжками, тоже, видимо, извлечённые из глубин антресолей, к дверцам которых лет двадцать пять никто и не прикасался. С кухни раскатисто доносились громкие голоса и хохот трёх мужиков, также не особо зубастых. Они курили точно не «Мальборо», и у Светы горло перехватило гораздо крепче, чем в лифте.

– Я... я приехала забрать вещи, – пролепетала она, сильно заикаясь. – И вот вам ключ. Пожалуйста, пропустите!

Ключ хозяйка взяла, но с места не сдвинулась.

– Вещи?

– Да, да! Я переезжаю прямо сейчас. А это моя подруга. Спасибо вам, Нина Фёдоровна! Большое спасибо.

– Вещи? – взревела хозяйка так, что три мужика на кухне притихли. – Вещи забрать? А чего ж ты, милая, часа в три не приехала забрать вещи? Почему в час? Тебе ведь плевать на людей, которые спят! Плевать, что им в шесть утра вставать на работу! Это ты, барыня, до одиннадцати часов пролёживаешь бока!

– Но ведь вы не спите, – пискнула Света, жалобно сложив ручки. – И не работаете давно...

– Кто? Я не работаю? Ах ты, шваль! Проститутка грёбаная! С моё поработай, а потом тьявкой! Ишь ты, вторую ... притащила! Эй вы, козлы! Идите сюда! Вам шлюх привезли!

Все три мужика немедленно вышли. Двое из них впечатляли только наколками на руках и остекленелой свирепостью под бровями. Зато боксёр, действительно, был огромен. Именно он горой чуть ли не во всю ширину коридора двинулся на двух девушек, с каждым шагом просматриваясь сквозь тучу едкого дыма всё более угрожающе.

– Ой вы, кисоньки! Вот я вас за сиськи-то подержу!

– Да ты одурел! – схватила его за майку столь же массивная, но по росту в два раза менее убедительная супруга. – За что держать? Это ж вешалки! На меня смотри! На меня! Я всем им утру носы!

И, оттолкнув мужа, пошла плясать по прихожей, топая каблуками очень рискованно для разошедшихся половиц. Её кавалеры смачно загоготали. Но, конечно, довольно скоро их взгляды снова переместились на двух свидетельниц этой сцены.

Выбежав из квартиры, Рита и Света бросились вниз по лестнице, чтоб не быть схваченными у лифта.

– Что же мне теперь делать? – пищала Света, скользя рукой по перилам. – Там у меня – три сумки вещей! Одежда, учебники, ноутбук!

– Дура! На хер ты в этот хлев вселилась? – негодовала Рита. – Это какой овцой надо быть, чтоб ещё и ноут там оставлять!

– Да они не всё время пьют! Первую неделю этот ублюдок даже курить на лестницу выходил!

– Ладно, не скули! Через полчаса возьмёшь свои вещи.

Когда уселись в машину, Рита завела двигатель и связалась с кем-то по телефону.

– Алло, котёнок! Я это, я. Как ты себя чувствуешь? Обязательно позвони врачам! Слушай, тут возникла проблема. Моя подруга не может вещи забрать из съёмной квартиры. Хозяйка буйно пьют. Байкальская, дом семнадцать, третий подъезд. Пришли сюда Игорька. Я перед подъездом. Да, жду. Целую.

Опустив телефон, Рита закурила. Включила радио. Застучала пальцами по рулю.

– А кто он, этот котёнок? – спросила Света, с тревогой вглядываясь в её слегка горбоносый профиль.

– Это не твоё дело.

Света заплакала. Первые две минуты Рита не реагировала на это – глядела лишь на снежинки, скользившие по стеклу, и сбивала пепел. А потом двигатель вдруг заглох. Рита поглядела на датчик топлива, отключила шумную печку. Гася окуроч, вспыхнула:

– Что ты ревьешь? Сама во всём виновата! Хватит тут слёзы лить, иначе я тебя вышвырну из машины, чтоб ты там задницу отморозила!

– Меня бабка в метро расстроила, – объяснила Света, размазав по щекам слёзы.

– Какая бабка?

– Ну, я сидела, тебя ждала, на коня смотрела! Там барельеф на стене, над рельсами – конь двуногий, с хвостом как у обезьяны...

– Видела. Знаю. И дальше что?

– Бабка подошла и сказала: «Ты не смотри на него, беда приключится! Он всем несчастья приносит!»

Рита задумалась.

– Да, я что-то об этом слышала. Или где-то читала. Этот двуногий конь неясно откуда взялся. Ну, когда метро строили, архитектор вдруг заболел, и взяли другого. Этот другой слепил странного, уродливого коня, который похож на чёрта, и сгинул. А станцию нужно было срочно сдавать. Вот её и сдали с этим конём.

– Когда это было?

– В восьмидесятом. Я так хорошо запомнила, потому что в восьмидесятом мой отец помер. За эти двадцать три года произошло несколько десятков страшных историй, связанных с этим чёртом – ну, типа, кто-то глядел на него пятнадцать минут, а через три дня попал под машину. Другой, кажется, ослеп, третий головой конкретно поехал и завалил четверых. Ну, всё в этом роде. Не заморачивайся пургой.

– А тот архитектор сгинул бесследно?

– В том-то и дело! Потом никто не мог вспомнить, как и откуда он появился. Это осталось тайной. Разгадку знает, наверное, только конь.

Света нервно съёжилась.

– Это просто ужас какой-то! Мне очень страшно.

– Да, там, в Перово, хватает всяких чудес. Ты сама откуда?

– Я? Из Крылатского.

– Из Крылатского? – с удивлением повернула голову Рита. – Район элитный! Твои родители кто?

Света покраснела.

– Папа – госслужащий. Мама – бывший директор школы.

У Риты вдруг поднялось настроение.

– Значит, папа – госслужащий? Интересно ты его обозначила! Мама – бывший директор школы? И до сих пор работает где-то, но уже вряд ли в сфере образования? И живёте в Крылатском? И учишься в МГУ? И глазки овечьи? Это мне нравится! Очень нравится.

– Что? – сердито спросила Света.

– Всё мне в тебе офигенно нравится, кроме пола. Слушай, а брата у тебя нет?

– У меня два брата! Но они – люди, а не цыплята, не поросята и не котята. Так что, давай закроем этот вопрос.

– А сколько им лет?

– Они оба старше меня. И оба – женаты.

– Рада за них. А ты на каком факультете учишься?

Света облегчённо вздохнула.

– На историческом.

– Интересно?

– Да.

– На каком ты курсе?

– На третьем.

– А почему тебе никто не звонит на сотовый?

– Потому что я его отключила. Я ложусь спать в одиннадцать.

– Ой ты, лапочка! А жених-то у тебя есть?

– Отстань от меня! Ты бы про себя рассказала.

Рита зевнула, вытянув ноги к педалям. Потом поймала «Европу Плюс». Опять закурила.

– Да что рассказывать? Я тупица и недоучка. Школу не кончила! Впрочем, ты сама всё про меня знаешь. Ты ведь историк.

– Не поняла. При чём здесь история?

– Ну, у папы спроси про бар «Три товарища». Он расскажет. Он знает всё.

Света окончательно растерялась.

– При чём здесь какой-то бар? И при чём здесь папа?

– Если твой папа действительно занимает высокий пост в каких-то госорганах, ты узнаешь от него много. Особенно, если он – работник прокуратуры или иных силовых структур.

– Я с ним не общаюсь.

– Умная девочка! Тьфу на них.

Не успела Рита докурить сигарету, как во двор въехало чёрное «БМВ». Оно появилось из-за угла, к которому люксовая «девятка» была обращена передом.

– Это Игорь, – сказала Рита и помигала фарами. Дав ответный сигнал, чёрная машина остановилась неподалёку. Фары её погасли, мотор затих.

– А кто он такой? – поинтересовалась Света.

– Мужчина.

Левая дверь «БМВ» открылась и, точно, вышел мужчина среднего роста и средних лет. Он был недурён собой, очень элегантен. Но, взглядываясь в него, Света почему-то решила, что камуфляжная куртка смотрелась бы на нём лучше, нежели дорогое классическое пальто, в котором он был. Впрочем, поручиться за это она не рискнула бы. Что-то было в нём противоречивое, в этом стройном, подтянутом господине.

Натягивая перчатки, владелец чёрного «БМВ» подошёл к машине, в которой сидели девушки. Рита опустила стекло.

– Игорёк, привет!

– Привет. Что случилось?

Голос был низким и хрипловатым. Рита же, глядя в серые неприветливые глаза своего знакомого, говорила тоненьким голоском и вся до ушей сияла сладким радушием, как Лиса Патрикеевна.

– Почему-то машина иногда глохнет на холостом ходу! Я уже измучилась вся. Будь другом, взгляни!

– Дёрни рычажок.

Рита что-то дёрнула под рулём. Игорь осторожно, чтоб не запачкаться, поднял крышку капота и попросил:

– А ну, заведи.

Рита завела. Сняв перчатку, Игорь покрутил винт под воздушным фильтром.

– Нажми на газ! Потом сбрось.

«Девятка» взревела. Стихла. Игорь опустил крышку и натянул перчатку.

– Больше твоя машина глохнуть не будет. Что-нибудь ещё нужно?

– Ты представляешь – моей подруге не дают забрать вещи! – затараторила Рита, нажав на кнопку печки. – Она в сто двадцать девятой квартире снимала комнату!

– А причина?

– Пьют! Там три мужика, один из которых – бывший боксёр килограмм под двести, и баба. Ты взял с собой пистолет?

– Я не на работе. Ключ у вас есть?

– Отдали!

– Стальная дверь?

– Деревянная! Ногой выбьешь.

– Этаж?

– Десятый.

Света назвала код. Даже не взглянув на неё, Игорь не спеша зашагал к подъезду. Вошёл. Минут через семь вернулся.

- Там всё нормально. Можете забрать вещи.
- Ты не поднимешься с нами? – спросила Рита.
- Я вам там больше не нужен.

Ответив так, Игорь сел в своё «БМВ», включил габариты, завёл мотор и, пробороздив снег задними колёсами до асфальта, в одну секунду скрылся за углом дома.

– Ну что ж, пошли, – предложила Рита, распахнув дверь. В её голосе всё же слышалась неуверенность. Появилась она в нём после того, как Игорь сказал, что он безоружен. А Свете вот почему-то боязно не было. И опять она не ошиблась.

Дверь её временного жилища была распахнута. Тишина за нею стояла почти могильная. Ни на кухне, ни в коридоре, ни в санузле, ни в двух комнатах не было никого. Но из третьей комнаты, свет в которой был выключен, доносилось паническое дыхание четырёх шокированных существ. Пока Света спешно производила сборы, Рита моталась по всей квартире. Не заходила она лишь в комнату с существами.

- Ой! Это кто? – донёсся вдруг её голос из туалета. – Ой, какой маленький!
- Кто там? Кто?

Рита прибежала. В руках её был котёночек – рыжий, тощий, запуганный. Он мяукал, но не пытался вырваться. Он рассчитывал только писком выразить обстоятельное и внятное возмущение по какому-то поводу.

– Да откуда он взялся? – ахнула Света, на один миг прекратив запикивать в сумку учебники и тетрадки. – Никогда не было его здесь!

– Видимо, зашёл, когда дверь открыта была! Наверное, из другой квартиры вышвырнули. Берём?

- Конечно, берём.

Так они и вышли: Света – с тремя тяжёлыми сумками, Рита – с рыжим дистрофиком. Сумки были помещены в багажник, дистрофик передан Свете. Ему в машине очень понравилось. Он умолк. Но тишь-благодать продлились одно мгновение. Не успела Рита взяться за ключ, как где-то неподалёку хлопнула дверь и раздался крик:

- Стойте! Стойте!

– Кто там ещё? – быстро повернула голову Рита. Света вздохнула. Она узнала того, кто бежал к машине, выскочив из своей. Пришлось опустить стекло.

- Рита, познакомься, это мой друг. Его зовут Рома.

- Да? Какая приятная неожиданность!

Габаритный, широколицый парень, приблизившись, наклонился и очень пристально поглядел сначала на Риту, затем на Свету и, наконец, на рыжего. Тот мяукнул ему в лицо, свирепо оскалив крошечные клыки. Парень отшатнулся. Впрочем, он почти сразу же отличил полуторамесячного кота от взрослого тигра и успокоился.

– Ты зачем сюда притащился? – спросила Света. – Я ведь тебе сказала, чтоб ты оставил меня в покое!

– Да как зачем, как зачем? – заголосил Рома, будто и не услышав вторую фразу. – Ты не звонишь, твой мобильник выключен, твоей маме сегодня Скорую вызвали по причине нервного срыва! Что мне ещё оставалось делать? Подъехал, вижу – выходишь с сумками! Ты нашла другую квартиру?

– Да, я нашла другую квартиру. И вот моя новая соседка. Можешь сообщить это каждому, кто считает, что я обязана ему чем-то. Ещё вопросы имеются?

– Светка, Светочка, погоди! Не торопись, Светка! Платить-то ты будешь сколько? Есть шоколадное предложение! Мой знакомый сдаёт трёхкомнатную квартиру всего за триста гринов! Башлять буду я один, мне ведь тоже нужно от предков съехать! Давай сейчас...

– Трогай, – распорядилась Света. Рита, крутанув ключ, дала такой старт, что Рома отпрыгнул к другой стороне дороги. Пока он мчался затем к своему «Субару», пока садился в него, пока заводил – «девятки» и след простыл.

Снегопад утих. Москва вся мерцала под фонарями.

– Он говорил по мобильнику, когда нас увидел, – сказала Рита, свернув на Щёлковское шоссе и удостоверившись, что погони никакой нет. – Поэтому и не сразу выскочил.

– Ну и что? Разве это важно?

– Он нас увидел, но продолжал трепаться, рискуя нас упустить! Он мог бы заканчивать разговор, направляясь к нам, но всё-таки предпочёл закончить его в машине. Значит, разговор был секретный, важный и срочный. Что это мог быть за разговор в час пятьдесят ночи?

– Господи, я -то откуда знаю? Мне нет до этого никакого дела! Тебе – тем более. Тоже мне, Шерлок Холмс!

Рита промолчала. Уже через полчаса они пили чай у себя на кухне. Сперва хотели даже поужинать спрятавшейся за сахарницей корейской лапшой, но потом решили не тратить на неё время. Чайник был довоенный и даже, кажется, дореволюционный. На деревянном столе стояли вазочки с пряниками, печеньем и мармеладом. Котёнок спал в уголке, наевшись сметаны высшего сорта. Её в холодильнике нашлось много, поскольку вся морозилка была заполнена покупными блинчиками.

– Как мы его назовём? – пробубнила Рита, зевая так, что Света почувствовала себя врачом-отоларингологом.

– Рыжик.

Вместительный белозубый рот захлопнулся с благозвучным щелчком, как дверь «Мерседеса».

– Рыжик? Почему Рыжик?

– Так он ведь рыженький, – объяснила Света, несколько удивлённая удивлением собеседницы.

– Ну и что? Тебя ведь Русалочкой не назвали, хотя ты русая! Имя должно либо отражать внутреннюю сущность, либо не отражать ничего. Иначе оно звучит оскорбительно. Ему, может, вовсе не нравится, что он рыжий.

– Ну, тогда – Васька. Или, например, Кузя.

Рита опять была недовольна. Задумчиво откусив кусочек печенья, она поморщилась.

– Что за Васька? Какой он Васька тебе? Мюрат!

– Мюрат? Почему Мюрат?

– Это очень странный вопрос. Ты точно историк?

– Да знаю я, кто такой Мюрат, – рассердилась Света. – Любимый маршал Наполеона, неаполитанский король, храбрый идиот!

– Совершенно верно. И что тебе непонятно?

Света сказала, что ей всё ясно и что она всем довольна. Вскоре они разошлись по комнатам. Неаполитанского короля взяла к себе Рита.

Было уже два сорок пять. Переложив вещи из сумок в шкаф и комод, Света застелила диван, разделась, очень внимательно осмотрела часы и, выключив свет, нырнула под одеяло. Диван со скрипом принял её в объятия. Через пять минут раздалось «Ку-ку!»

– Сумасшедший дом, – отозвалась Света сквозь полусон. Ей было тепло и мягко. Рядом кто-то стоял. Не Мюрат. Не Рита. И не кукушка. Казалось, кто-то вышел из зеркала. Но открыть глаза уж не было сил. Власть ночи в этих стенах была беспредельна.

Глава вторая

Света проспала, так как ночью забыла установить будильник на семь часов. Поэтому утром времени у неё хватило только на то, чтоб почистить зубы, сделать два глотка чая без сахара и одеться. Застёгивая пальто, она обнаружила в боковом кармане комплект ключей от квартиры. В другом боковом кармане был сникерс. Мысленно поблагодарив Риту, которая, судя по неостывшему чайнику, легла спать с полчаса назад, Света быстро вышла.

По лестнице поднимались две нарумяненные морозом женщины лет за сорок. Одна вела на поводке таксу в жилетке, другая – дога в комбинезоне. Старательно запирая дверь, Света поздоровалась. Ей ответили весьма холодно.

– Вы теперь тут живёте? – официальным тоном спросила хозяйка дога.

– Да, – ответила Света, прижавшись к двери, поскольку дог к ней рванулся без всяких признаков дружелюбия. Дама с бранью рванула его назад.

– А кто вам сдал комнату?

– Маргарита. А что?

Обменявшись взглядами, две собачницы перешли на следующий пролёт. Одна прошептала что-то, другая цокнула языком. Оба их питомца не вполне вежливо оборачивались. Стараясь не поддаваться негативной эмоции, Света выбежала на улицу.

Там стоял трескучий мороз. На небе сияло солнышко. До театра было десять минут очень быстрым шагом, но Света, издали увидев автобус на остановке, решила попытать счастья. Ей повезло – водитель сообразовал её подождать. Видимо, он не то ещё мог бы сделать для длинноногой девушки, побежавшей к нему вприпрыжку.

Оба охранника в театре также встретили Свету благожелательно – попросили, правда, предъявить пропуск, зато потом засыпали комплиментами, перенятыми у актёров. Переодевшись в подсобке, Света взяла швабру и ведро. Начала с фойе. Первым, как обычно, ей помешал хореограф, Виктор Эмильевич. Он всегда приходил на работу вовремя.

– Здравствуй, Светочка. О, какая ты молодец!

– Молодец на овец, а на молодца – овца, – с вычурным кокетством бросила Света. Специалист по танцам захохотал, расстёгивая дублёнку.

– Ну, стало быть, плохо у нас здесь с молодцами, коль ты уже пятое утро стоишь в такой интересной позе и до сих пор ещё не заблелась!

Продолжая смеяться, он побежал в репетиционный зал. Вслед за ним пришли две актрисы из молодых, Эльвира и Даша. На их милостивых рожицах была ярость.

– Что вы так рано?

– Да Левин, сука, станок по утрам назначил!

– Виктор Эмильевич?

– Да! Чтоб он сдох, козлина! И Ирка, тварь, в больницу легла!

– Пыченкова?

– Да!

– А что с ней случилось?

– Острый аппендицит. Кишки прорвало, живот вспучился от гноя. Короче, ей повезло!

Последняя фраза, сказанная всерьёз, Свету изумила. Поскольку девочки торопились, эти три слова остались без разъяснения. К десяти часам подтянулся весь молодняк, кроме Пыченковой – семь мальчиков и шесть девочек. Почти все перебросились несколькими словами со Светой, так как она была очень необычной уборщицей. Чуть попозже прибыл художественный руководитель и режиссёр, Корней Митрофанович.

– Как дела? – спросил он у Светы, стягивая перчатки с холёных рук.

– Отлично. Спасибо.

– Мальчишки не пристают?

– Если вдруг пристанут – вы сразу от них самих об этом узнаете, потому что они к вам жаловаться придут.

– Молодец, Светлана! Девчонки не обижают?

– Что вы! Девчонки очень хорошие.

– Замечательные! Но кто бы их утопил к чертям-матерям? Сегодня опять, кажется, меня доведут.

– Корней Митрофанович!

– Что, Светулька?

– А можно я приду сегодня на репетицию?

– А тебе в университет сегодня не надо?

– Нет!

– Приходи.

Совсем необидно похлопав Свету, когда она наклонилась, чтобы сполоснуть тряпку в ведре, Корней Митрофанович подозвал одну из своих помощниц, трепавшуюся с охранником, и повёл её в кабинет. Света напевала, драя пол шваброй. Охранники пили кофе и обсуждали нюансы её фигуры. Заканчивая уборку в фойе, она поздоровалась с кадровичкой, которая ещё раз велела ей принести трудовую книжку, с главной бухгалтершей, которая назвала её умничкой, и с директором, который ей подмигнул. Во время мытья ренессансной лестницы на второй этаж произошла встреча с гримёром Ирой Ефремовой и художницей по костюмам, имя которой Света не вспомнила. Они также были приветливы до соплей, особенно Ира. Она даже предложила Свете свои услуги в качестве парикмахера и стилиста, если возникнет надобность.

К половине двенадцатого работа была окончена. Вымыв руки, Света пошла в женскую гримёрку. Там было мрачно. Девочки отдыхали после станка, отчаянно кроя матом и хореографа, и худрука, и президента России. Последнему доставалось больше других. Одна лишь Карина – дочь кинематографической знаменитости былых лет, его защищала.

– К вашему сведению, мой папа голосовал за Путина, – говорила она, уютно расположившись с ногами в кресле. – Он что, дурак, по-вашему, да? Отвечайте прямо, нечего тут вилять! Мой папа – дурак?

– Никто так не думает, – проявила дипломатичность Аня Войненко, пинцетиком утончая брови Соне Козловой, с ненавистью глядевшей на себя в зеркало. – Если бы дураки одни ошибались, я бы сейчас работала в БДТ, куда меня брали без всяких связей. А я рванула в Москву, и вот результат! Любой человек, даже самый умный-преумный, время от времени ошибается. Это факт.

– Ну, конечно! – расхохоталась Карина. – Мой папа, значит, ошибся, а вы все правы? Приехали, вашу мать! Дальше ехать некуда.

Света села на табуретку. Ей предложили кофе. Она кивнула. Однако же персональной кружки у неё не было, и актрисы, сидевшие за своими столиками, неловко переглянулись. Каждая, разумеется, приготовила бы для Светы кофе в своей, поднявшись и сделав два шага к чайнику, но взяла на себя всю эту работу Даша Дайнулина.

– Гляжу, вымоталась? – спросила она, подав Свете кружку.

– Да, я почти совсем не спала! До трёх часов ночи переезжала.

– Ну, наконец-то! – вскричала Эля Гирфанова. – Я уж думала, никогда ты не переедешь! Сейчас жильё найти очень трудно.

– И, безусловно, в этом виноват Путин! – не упустила Карина повода возвратиться к прежнему разговору. – Ведь вы вот так все и скажете – только он во всём виноват!

Её оппонентки высказались в том духе, что, дескать, трудно найти жильё в Москве потому, что все в неё едут, так как нормально жить можно только в ней, за что, разумеется,

следует спросить с Путина. Этот их аргумент вызвал громкий хохот Карины и заверение, что талантливый человек везде заработает и что лучше быть первым в галльской деревне, чем вторым – в Риме.

– Так говорит мой папа, – закончила она мысль.

– Вообще-то Цезарь так говорил, – уточнила Света. – Видимо, он украл этот афоризм у твоего папы.

Все дружно развеселились, кроме Карины. Она натянуто улыбнулась и закурила.

– У Светы, кстати, тоже вполне влиятельный папа, – вспомнила Соня, брови которой к этой минуте стали неотразимыми. – Интересно, что он про Путина думает?

– Я не помню, – сказала Света, отхлебнув кофе, – мы с ним давно не общались.

– А кто твой папа? – спросила Аня Войненко, сев за свой столик.

– Да успокойтесь уже, – вмешалась Карина. – Что вы пристали к ней? Вполне ясно, что человек не хочет распространяться на эту тему. Видимо, офигенный у неё папа, если она вылизывает полы и так высоко задирает попу перед охранниками!

Девчонки притихли, глядя на Свету. Она спокойно допила кофе и поднялась.

– Я пойду. Спасибо за кофе.

Соня и Анька немедленно подбежали к ней, усадили.

– Вместе пойдём! – крикнула Войненко, сжимая пальцами её плечи. – Ты ещё не сказала, где новоселье будем справлять! Колись, куда переехала? Не пугайся, мы со своей водярой к тебе придём!

– Да, и разгромим тебе всю квартиру, как Эльке с Дашкой, – вставила Соня. – Им даже потолок пришлось штукатурить заново, потому что Войненко его пробила своей башкой! Подпрыгнула и пробила.

Эля и Даша с ненавистью взглянули на Аньку, которая возвратилась к своему столику. Та прикинулась дурочкой.

– Разве я?

– Ну а кто ж ещё? Ты прыгаешь выше всех, когда выпьешь водки с Марьей Хуановной!

Анька очень гордилась тем, что высоко прыгает, и поэтому ей пришлось сразу извиниться перед двумя подругами. Бормоча дурацкие оправдания, она вгрызлась в большое яблоко.

– До моих потолков вы не доберётесь, – сказала Света. – У них какая-то нереальная высь! Три с половиной метра.

– Где это такой дом? – удивилась Соня. Света назвала адрес. Все призадумались, вспоминая расположение зданий на упомянутой улице.

– Что там рядом? – спросила Анька.

– Какие-то магазины. А на другой стороне – аптека. Короче, это пятиэтажный кирпичный сталинский дом. Один из его подъездов имеет арку над дверью. Я в нём как раз и живу.

– Так ведь это он, – вдруг подала голос Ася Макарова, самая молчаливая из девчонок. Все повернулись к ней.

– Он? – спросила Гирфанова. – Что ты этим хочешь сказать?

– Дом самоубийц.

Повисло молчание. Впрочем, длилось оно недолго.

– Да, точно, он! – громко подтвердила Карина и рассмеялась. – Тот самый дом, где вешаются почти каждую неделю!

– Не надо гнать, – гневно повернулась к ней Анька. – Восемь самоубийств за два года – это, конечно, не супер-пупер, но ничего сверхъестественного я лично в этом не вижу. Дом очень старый, располагает к унынию. Плюс к тому, район в смысле контингента – не самый благополучный. Пьют, наркоманят, имеют склонность к безумствам. Вот это факт.

– Да ты почитай в интернете про этот домик! – не унималась Карина. – Просто вот набери: дом самоубийц на Перовской улице! Тебе плохо станет!

– Да я не дура, копаться в этой помойке! Или тогда давай уж начнём с того, что там написано про тебя и твоего папу! Ты никогда это не читала? Ну, почитай! Сама вздёрнешься.

– Ах ты, тварь!

Карину остановили и усадили. Эля Гирфанова налила ей кофе, плеснув в него пару капель ликёра «Бейлис».

– Возьми, Каринка, возьми! Пожалуйста, успокойся. Тебе совсем нельзя нервничать, ты уже на четвертом месяце!

– Да на третьем я месяце, – еле слышно пробормотала Карина, стуча зубами о кружку. – Сколько вам раз это повторять?

Лицо её было бледным. Света, напротив, выглядела скорее задумчивой, чем подавленной. Все за ней наблюдали.

– Да, ошаршили вы меня, – призналась она, почему-то думая о часах с кукушкой. – Жаль! Очень жаль. Мне сильно понравилась эта мрачная и большая квартира.

– Говорю – плюнь! – проорала Анька. – Ты комнату там снимаешь?

– Да.

– Сколько платишь?

– Семь.

– Почти даром! Забудь про всю эту чушь и не вспоминай. Будешь жить с хозяевами?

– С соседкой.

– А кто она?

– Знакомая моей бывшей соседки по общежитию, Арианы. Рита её зовут. Ей двадцать четыре года.

– Вообще ништяк! Шикарно отпразднуем новоселье!

– Тебе бы, Анька, всё праздновать! – ни с того ни с сего разозлилась Соня. Она собиралась как-то развить свою мысль, но в эту секунду мобильник Светы подал сигнал. Взглянув на определившийся номер, Света вышла на связь и, быстро сказав: «Ромочка, убейся об стену!», нажала сброс. Все захохотали, кроме Карины и Сони.

– Тебе бы, Анька, всё праздновать, – повторила последняя, когда хохот стих. – А я вот не понимаю, как можно что-нибудь праздновать с таким графиком? Каждый вечер – спектакли, все выходные забиты сказками! В «Кошкин дом» надо делать ввод, а всё остальное время теперь будет занимать это сумасшествие!

– Ты о чём? – не поняла Света. Ей объяснили, что речь идёт о спектакле «Ромео и Джульетта», который должен выйти в апреле, между тем как работа над ним едва началась, и все – в замешательстве, хоть Корней Митрофанович уверяет, что смог бы и за два месяца сделать этот спектакль на высшем уровне.

– Он собрался на «Золотую маску» с ним номинироваться, – прибавила Соня. Внимательно поглядев сперва на неё, затем на остальных девочек, Света хмыкнула. Несмотря на общую скорбь, ей стало казаться, что её грубо разыгрывают. Она интересовалась театром и знала, хоть и весьма приблизительно, сколько времени требует адекватная, профессиональная постановка Шекспира. Тут было что-то не так.

– Вы, значит, «Ромку и Юльку» сегодня будете репетировать? – осторожно спросила Света.

– Конечно! Если Тamarку Харант дождёмся. Хоть бы она в кафе зашла по дороге и накидалась!

– Ирка счастливая, – чуть не плача, сказала Даша. – Лежит с разрезанным животом и горя не знает!

– А у Тамары в этом спектакле какая роль? – поинтересовалась Света, пытаясь предугадать ответ.

– Леди Капулетти, – вздохнула Анька.

– А кто играет Ромео?

– Кирилл Малютин. Надеюсь, у него хватит времени. Он зачислен в команду четвёртой лиги, но до весны какой там футбол!

Света покусала губу. Так себе актёр, но очень хороший спортсмен Малютин ей чуть-чуть нравился.

– А Джульетту?

Все указали с пафосом на Карину. Та пила кофе, но отвлеклась от этого дела, чтобы немножечко покровляться. Обведя взглядом лица других актрис, Света поняла, что никто не шутит.

– Что за приколы? Джульетта – на шестом месяце?

– Ну, сошьют специальный костюм, – объяснила Эля. – После премьеры до лета пройдут ещё два спектакля. Максимум – три. Потом сезон завершится. В августе – роды. А в сентябре Джульетта опять запрыгает, как тушканчик.

Света с трудом могла всё это представить.

– Значит, хореография будет не очень сложной?

– Да ты смеёшься? – всплеснула руками Соня. – Левин уже такого нагородил, что хоть в петлю лезь! Весь первый акт – бал! Да ещё какой! Я не понимаю, ну почему никто не может уроду этому объяснить, что мы здесь не балерины, а драматические актрисы?

– А мне идея понравилась, – возразила Ася, окончившая не только театральную школу, но и балетную. Все на Асю стали орать, включая Эльвиру, которая также была профессиональной танцовщицей. Тут пришла Тамара Харант – худая брюнетка с дьявольскими глазами и нравом, который никак нельзя было назвать дьявольским, потому что дьявол нервно курил в углу.

– Здравствуйте, девчонки, – кошачьим голосом вымолвила она, очень торопливо цокая шпильками. – С Рождеством!

– Уж скорее с Пасхой, – фыркнула Анька. – Совсем сдурела? Пять дней прошло с Рождества!

– Да? Очень возможно. Я не особенно шарю в церковных праздниках. Из подъезда вышла, вижу – плакат, а на нём написано: «С Рождеством!» Вот я и поздравила.

Бросив сумку на столик, Тамара быстро переоделась. Когда она стояла в одних трусах, натягивая лосины, Света заметила, что она похожа на Риту – та же порывистость, тонкость, гибкость. Вот только кожа у Риты была чуть более смуглой. Надев балетки и водолазку, Тамара весело повернулась к своим коллегам.

– Да что вы все кислые такие? Мать вашу драть! Спектакль получится! Гарантирую.

– До меня вот только сейчас дошло, почему я не доверяю этому слову! – вдруг просияла Карина и даже щёлкнула пальцами, вскочив с кресла. – Просто оно созвучно с твоей фамилией.

– Иди на ..., детка!

Карина лишь улыбнулась, после чего актрисы пошли работать. Света последовала за ними.

Глава третья

Зрительный зал насчитывал сотню мест, кроме десяти на балконах. Их было два. Корней Митрофанович сидел в третьем ряду, что-то объясняя актёрам, которые отработывали моменты кровавой драки между Монтеки и Капулетти. Один из тех, кто ему внимал, был любимцем публики. Его звали Павел Кремнёв. Он вживался в роль отца главной героини, то есть Джульетты. Когда на сцену вышли актрисы вместе с уборщицей, он сказал, прервав режиссёра:

– Послушайте, Корней Митрофанович! Я могу, конечно, смотреть на то, как Монтекки бьют ногами Тибальда, глазами старого онаниста, но как я буду потом смотреть на жопу кормилицы или даже своей жены? С криком «Наших бьют!»?

– Павлик, если это всё, на что ты способен, я как-нибудь тебе объясню, чем взгляд онаниста отличается, например, от взгляда гусара... А, вот и дамы! Явились не запылились. Отлично. Делаем бал!

Соскочив со сцены, Света уселась в первом ряду, между хореографом и помощницей режиссёра, Мариной. В том же ряду сидели скрипачка Вера и осветитель.

– Корней Митрофанович, у меня нога немножко болит, – пожаловалась Тамара.

– Если я ещё раз об этом услышу, заболит жопа. Виктор Эмильевич, до какого момента будем смотреть?

– До реплик.

– Поехали!

Все актёры заняли соответствующие места. Звукорежиссёр включил музыку. Начался танец змей – леди Капулетти и её дочки. Дамы с акробатической ловкостью кувыркалились, катались, ползали, обвивали одна другую всеми конечностями, принимая разнообразные позы, и целовались взапас. Потом к ним присоединилась кормилица, почему-то выглядевшая младше молочной дочери. С возрастающей страстностью занимаясь всё более откровенными безобразиями, три твари подобралась к главе семейства Капулетти и поползли на него. Он, ясное дело, легко дал себя втянуть в развратные игры. Ну а потом, как Света и ожидала, в них вовлеклись служанки модельной внешности и пажи, а за ними – гости. Весь этот мерзопакостный балаган, плавно усложняемый в такт мелодии новыми эротическими оттенками, продолжался до прихода Ромео.

– Меня не устраивает одно, – сказал режиссёр, когда стихла музыка и актёры из ролей вышли. – Ног слишком мало!

– В смысле? – не понял Виктор Эмильевич.

– Ноги женщин должны играть главенствующую роль. В одном эпизоде – точно. Нужно, чтоб Павлик взвился от них, а не от вползания на него! Пусть властно, настойчиво проведут по нему ногами с разных сторон.

– А ведь это мысль! – обрадовался Кремнёв.

– Мне она не нравится, – запротестовала Карина, ноги которой были короче, чем у Тамары. – Я всё-таки его дочь! Как дочь может сходу закинуть ноги на папу?

– А мы сейчас поглядим, как это получится, – объявил хореограф и, встав, поднялся на сцену. – Дайте нам музыку!

Начали переделывать эпизод. Потом вновь заспорили. Слушая этот спор, переросший в ссору между, с одной стороны, Мариной, с другой – Тамарой и Дашей, которая исполняла роль развязной кормилицы с ещё более длинными, чем у леди Капулетти, ногами, Света уснула. Спустя полтора часа Марина легонько дёрнула её за ухо.

– Светка! В каком году была Куликовская битва?

– Уже закончили? – прошептала Света, ответив на вопрос правильно.

– Перерыв.

Корней Митрофанович был по-прежнему недоволен, как и Карина. Все остальные просто устали. Включив в гримёрке мобильник, Света увидела, что ей восемь раз звонил Рома и пять раз – мама. Соня разнылась больше других.

– Да что ты всё стонешь? – обрушилась на неё Тамара, достав из сумочки сигареты. – Ты вообще почти ни хрена не делала, только ныла!

– Я, кажется, заболела! Меня знобит!

– А у меня – жар. Откройте окно!

Но раздались крики, что если Тамаре жарко, то она может раздеться, а простужать никого не надо. Тамара молча разделась. Она сняла с себя всё, кроме белья с принтом, и живописно расположилась на стуле, взлохматив волосы.

– Ой! – воскликнула Ася, очень большая любительница весёленьких фотографий. – Тамарка! А можно я тебя сфоткаю?

Возражений не было. Взяв мобильник, Ася стала фотографировать на него Тамару, прося её принимать различные позы. Тамара очень старалась. Все кругом ржали. В эту минуту Свете опять позвонила мама. Света решила выяснить, что ей нужно.

– Мапочка, я сейчас занята! Говори быстрее.

– Она любовница Хордаковского! – завопила мама как резаная. – Ты знала об этом? Скажи мне только одно: ты об этом знала?

Крик вылетал из мобильного на приличное расстояние. Анька, Даша и Соня сидели рядом. Они немедленно дали знак остальным притихнуть. Ася с Тамарой сразу прервали своё занятие, с любопытством глядя на Свету, которая ошалело срослась со своим мобильником. Выйти было немислимо, потому что за дверью слышался строгий голос директора, а Тамара сидела во всей красе прямо перед ней. Приглушить мобильник? Сбросить звонок? Это то же самое, что отнять быка у семи пантер, схвативших его зубами. И Света тихо спросила среди общего безмолвия:

– Кто?

– Да она, она! Та блондинка, которая увезла тебя ночью с Щёлковской! Маргарита Дроздова! Ты что, живёшь теперь вместе с ней?

– Пожалуйста, не кричи! С чего ты взяла, что она – любовница Хордаковского?

– Ты ребёнок, Светочка! – продолжала истерить мама. – Просто ребёнок! Рома запомнил номер её машины, потом пробил его по компьютеру! Это дрянь с уголовным прошлым! Воровка, гопница, клофелинница! Хордаковский помог ей открыть криминальный бизнес, чтоб отмывать через неё деньги! У неё бар на Семёновской!

– «Три товарища»?

– Да, да, да! И это – притон! Туда приезжают...

– Мапочка, я тебе попозже перезвоню! – перебила Света и, опустив мобильник, выключила его. Её всю трясло. На неё смотрели. Смотрели все семь актрис. Среди тишины. Ни одна из них ни одного слова не пропустила. И это было печально.

– Вот это номер, – нарушила тишину Тамара, поправив лифчик. Ася уселась, забыв про свой телефон. Прочие пантеры столь же растерянно переваривали быка. И первой из них опомнилась, но на этот раз до конца, всё та же Тамара. Она внезапно вскочила, быстро прошлась по комнате босиком и остановилась. Прищурилась.

– Что сегодня у нас? Двенадцатое января? Всё правильно? Светочка, послезавтра мы празднуем у тебя Старый Новый год!

– Мы празднуем новоселье, – внесла поправку Войненко. – Она вчера переехала. Так ты, Светка, с ней будешь жить? С этой самой Ритой Дроздовой?

– Видимо, да, – ответила Света, сопоставляя в уме все факты. И ей вдруг стало смешно. Ну какая к чёрту любовница Хордаковского? Это бред! Любовница Хордаковского, уж наверное, ездила бы на «Лексусе» и жила бы если не во дворце, то в десятикомнатной двухуровневой квартире с видом на Кремль, а не искала себе соседку для экономии! Но тут в памяти всплыли два обстоятельства, на которых эта логическая конструкция спотыкалась. Пункт первый – бар «Три товарища». Пункт второй – Игорёк. Если Игорёк – всего лишь охранник, кого он, чёрт возьми, охраняет?

– А кто такой Хордаковский? – спросила Соня. Этот вопрос с её стороны не ошеломил никого. Все знали – Соня живёт в каких-то своих мирах.

– Нефтяной магнат, олигарх, – сказала Войненко. – Самый богатый мужик в стране.

– Да, и театрал, – вспомнила Тамара, опять усевшись. – Кто-то мне говорил – Светлана Петровна, кажется, что штук двести провинциальных театриков существуют только на его деньги! Кроме того, он вытащил из ужасного состояния детские дома за Уралом и деревенские школы. Я уж молчу про баб, которых он сделал звёздами! Просто так, ни разу даже не прикоснувшись к ним. Захотел и сделал. Девяносто процентов всех известных актрис до сорока лет целуют его следы при каждом удобном случае.

– Это правда, – неподражаемо улыбнулась Карина. – А то, что Миша – самый богатый мужик в стране, ерунда. Уже далеко не самый богатый. Войненко просто не в курсе, что у него большие проблемы. Он гнёт какую-то линию против Путина, и его за это прессуют. Я не рискнула бы дружить с тем, кто гонит на Путина. Путин – величина космического масштаба, а Хордаковский – так, бизнесмен. Папа его даже не уважает. Он говорит, что Миша – это америкосовская шестёрка.

– Да уж поцелуй ты в зад своего папашу и успокойся! – взорвалась Анька. – И не дружи с Хордаковским, если не хочешь! А я с ним буду дружить. У тебя есть папа, а у меня – никого! И пошла ты на ... со своим папой!

Эля и Даша на Аньку стали орать, чтоб она заткнулась. Карина, наоборот, холодно сказала, что этой суке – конец. Но тут всех позвали на репетицию. Света вышла последней и, незаметно свернув с маршрута, отправилась переодеваться. Когда она покидала театр, её лицо было таким мрачным, что ни один из охранников не осмелился ей сказать ничего, кроме «до свидания».

По дороге она зашла в магазин около аптеки, чтобы купить вина и продуктов. Денег осталось совсем немного. Темнело. Красной «девятки» возле подъезда не было, и давно – судя по тому, что на её месте стоял «Пежо» с наледью на стёклах. Придя домой, Света налила молока Мюрату, который весело бегал по всей квартире, и поделилась с ним колбасой. Себе она сделала несколько бутербродов и крепкий кофе. Такой обед насытил её вполне. Приняв затем душ, она через кабель, валявшийся на полу, подсоединила свой ноутбук к интернету и запустила его. Пока он грузился, она решила взглянуть на комнату Риты.

Мюрат вошёл туда первым и сделал лужу. Вспомнив о том, что надо купить для него лоток, Света побежала за тряпкой. Потом она оглядела комнату. Книжный шкаф, действительно, в ней имелся. Он был заполнен русской, советской и зарубежной классикой. На комодике у тахты лежали ещё три книги – Цветаева, Мандельштам и, что слегка удивило Свету, Дюма. Книга называлась «Наполеон. Жизнеописание». Рядом с книжным шкафом стоял ещё один, для одежды, а у противоположной стены – большой секретер из дуба. Левее висело зеркало – не такое старое, как у Светы. Всё в этой комнате, кроме, может быть, секретера, было посовременнее, но сама она была меньше.

Вытерев лужу, Света вернулась на свой диван. Интернет работал. Она сидела в нём шесть часов, до прихода Риты. Мюрат все эти часы охотился за кукушкой, за ногой Светы, которая то отпихивала, то подбрасывала его, за кисточками на красной складчатой шторе.

Рита не выглядела уставшей, хоть и сказала, что просто валится с ног. Она принесла кошачий лоток и целую сумку корма. Мюрат не выказал восхищения. Несомненно, он предпочитал колбасу. Когда две его хозяйки сели за стол, он сделал попытку на него влезть, но был остановлен. Света откупорила вино, нарезала сыр, ветчину и овощи. Рита успела переодеться в старые джинсы и свитер. Она сидела боком к столу, закинув на табуретку ноги. Курила.

– Тебе не холодно босиком ходить по паркету? – спросила Света, наполнив два высоких бокала.

– Холодно.

– Купи тапки!

– Я ненавижу тапки.

– Носки надень.

– Не люблю, – отрезала Рита, бросив окурок в мусорное ведро. Потом молча выпили. Взяли вилки. Рита вооружилась также ножом. Она ела жадно.

– Как у тебя дела на работе? – спросила у неё Света, опять наполнив бокалы.

– Более-менее. У тебя?

– Да трудно сказать. Представляешь, девочки напросились на новоселье!

– Какие девочки?

– Ну, актрисы.

– К тебе?

– Ко мне. Давай выпьем.

Чокнулись, выпили. Рита съела огурчик и кусок сыра.

– Сколько же ты работаешь в театре?

– Пять дней. Но оформилась я до Нового года.

– И ты успела сдружиться с ними до такой степени, что они к тебе напросились на новоселье? Ну, ты общительный человек!

– Да не в этом дело! Сначала всё это выглядело как шутка. А вот потом, когда я сказала им номер дома, они всерьёз захотели.

– Стоп! погоди! Я что-то совсем запуталась. Номер дома-то здесь при чём?

Света наблюдала за Ритой пристально, но не замечала в её глазах ничего, кроме удивления. Мюрат снова предпринял попытку штурма стола. На этот раз Рита его не сняла, а сбросила.

– Ты серьёзно не догоняешь? – спросила у неё Света.

– Мне сейчас не до шуток! Я упахалась и хочу спать. Говори, в чём дело!

– Мы живём в доме самоубийц.

Рита улыбнулась. Её мобильник заиграл танго. Она нажала на сброс.

– А, так ты об этом! Честно, не въехала. Знаю, знаю.

– Ты так легко к этому относишься?

– А я что, должна по полу кататься?

– Ты не читала про этот дом в интернете?

– Послушай, Светочка! Я использую интернет для дела. Для сумасшествия я использую запрещённые вещества, и то крайне редко. Только тогда, когда непреодолимо хочется утопиться.

– А как давно тебя посещает это желание?

Рите стало смешно.

– Молодец! поймала. Ладно, выкладывай, что ты там прочитала про этот дом?

– Ну, что он стоит на могиле девушки, которая наложила на себя руки из-за несчастной любви, и все молодые женщины, поселяющиеся здесь, сводят счёты с жизнью.

– Как? Абсолютно все?

– Нет, только красивые.

Рита облегчённо вздохнула.

– Ух, слава богу! Мне это не грозит. Ну а за тобой я буду приглядывать.

– Как смешно! Реальные факты тебя не интересуют?

– Даже если ты скажешь мне, что здесь за год вздёрнулось сорок баб, я отвечу так: читай каждый день, что живёшь в свинарнике – и захрюкаешь!

– Риточка! Ты – как Анька Войненко.

– А это кто ещё?

– Одна дурочка.

– Ну, спасибо! Надо нам выпить ещё вина.

Когда это было сделано, Рита вновь закурила, пододвинув к себе очень интересную пепельницу с кремлёвскими стенами.

– А лицом и фигурой ты как Тамара Харант, – продолжала Света. – Вы очень сильно похожи! Она сегодня ходила передо мной в белье от «Интимисими».

– Ого! Неплохо у вас артисточки зарабатывают. А мальчики симпатичные не придут к нам на новоселье?

– Может быть, и придут. Их в театре полно.

– А ты с этим Ромой совсем рассталась?

Света брезгливо высунула язык.

– Зачем ты мне, дура, напомнила про него? Мы ведь пьём вино, а не водку!

– Ах, бедный Ромочка!

– Бедный Мишенька!

Рита громко расхохоталась. Потом задумалась.

– Бедный Мишенька? Эта фраза звучит очень необычно. А почему он бедный?

– К нам ведь придут красивые мальчики!

Прозвучал ещё один взрыв веселья. Мобильник дал сигнал эсэмэски. Рита её прочла и долго молчала, глядя в окно. Света налила себе кофе. Она поймала себя на том, что ей очень интересно смотреть на Риту. Просто смотреть, следя, как меняется выражение её глаз в зависимости от мыслей. Она всё время о чём-то думала.

– Я хочу нажраться у тебя в баре вместе с Войненкой, – сказала Света.

– Не надо.

– Но почему?

– Потому что бар называется «Три товарища», а не «Две свиньи».

– И что ты хочешь этим сказать? Что этот твой бар – только для мужчин?

– Ничего подобного. Это заведение для приличных людей. Понятно тебе?

– Ещё бы! Так и скажи – бандитский притон.

– Да иди ты в задницу! Начиталась! Сейчас ты мне расскажешь ещё, что жидомасон и американский прихвостень Хордаковский через него отмывает деньги, полученные преступным путём! Вот взял четырнадцать миллиардов долларов и отмыл! Только непонятно, зачем для этого нужен бар? Хватило бы и киоска с мороженым.

– Но, во-первых, никто и не говорит, что все его деньги имеют криминальное происхождение! Во-вторых, таких баров могут быть сотни.

– Послушай, Светочка! – полыхнула глазами Рита. – Ты из налоговой? Или из ФСБ?

Света покраснела, застенчиво опустив реснички. Она уже понимала, что перегнула палку.

– Я тебя умоляю, не лезь ты в эти дела, – продолжала Рита. – Тебе стало интересно, почему соска миллиардера катается на помойке с литыми дисками и снимает комнату в доме самоубийц? Да по той же самой причине, которая заставляет дочку силовика с большими погонами мыть полы! Ты любишь своего папу, но не желаешь быть от него зависимой. Я люблю Хордаковского, и при этом также не хочу быть сколько-нибудь зависимой от него. Тебе всё понятно?

– Угу, – ответила Света, сделав глоток из кружки. – Незачем так орать. Я хорошо слышу.

Мюрат безмолвно и неподвижно сидел в углу, сверкая оттуда глазками. Он был зол. Стояла уже глубокая ночь. Рита протянула Свете мобильник.

– Прочти последнюю эсэмэску.

– Нет, не хочу! – отшатнулась Света. – Мне это неинтересно!

– Я говорю, прочитай! Не бойся.

Чёрные глаза Риты были теперь весёлыми, как у пятилетней девчонки, летящей с горки на санках. Поддавшись этому взгляду, Света взяла мобильник и прочитала вслух:

– «Ритка! Если Наполеон и завтра со мной не встретится, послезавтра двум корпусам его арьергарда будет устроено Ватерлоо».

- Теперь ты всё поняла? – вторично спросила Рита, кладя мобильник на стол.
- Речь идёт о жопе, – смекнула Света. – Так что, приглашать мальчишек?
- Конечно. Только не приглашай того, к кому ты неровно дышишь.

Света кивнула и положила на пол большой кусок ветчины. Мюрат, подняв хвост, приблизился, взял кусок, отнёс его в угол и быстро съел, сперва разорвав на части. Потом он начал вылизываться.

– Ещё вопрос, – снова обратилась Света к соседке, ткнув её пальцем в пятку, чтобы взбодрить, – Вот ты говоришь, что полностью независима. Но, по-моему, открыть бар в престижном районе – это не то же самое, что открыть, к примеру, как ты сама сказала, киоск с мороженым.

- Ну а в чём вопрос – то?
- Откуда деньги и связи?

Рита была, казалось, удивлена.

– Ведь я объяснила, что занимаюсь сельским хозяйством!

- Так успешно?
- Конечно! Я ведь красивая.

- А лошадка у тебя есть?
- Да ты же вчера полночи на ней каталась!

Света допила кофе и пошла спать. Мюрат поскакал за ней. Рита, встав со стула, чуть приоткрыла окно, чтобы вышел дым, и взялась за чайник. Но вдруг она что-то вспомнила.

- Светка!
- Что? – выглянула Света из коридора.
- Тамарке той сколько лет?

– Тридцать семь. Она из артисток самая старшая, если не считать ещё трёх. У них есть своя гримёрка.

– Тридцать семь лет? И что, неужели мы с ней реально похожи?

– Как две купюры по сто рублей, – рассмеялась Света. – Ну, на которых голый пацан нарисован!

– При чём здесь голы пацан?

– А ты правда думаешь, что она сама покупает себе бельё от «Интимисими»? Шучу, шучу! Она выглядит постарше, но лет на семь, а не на тринадцать. Ты зря красишься в блондинку. Это тебе прибавляет возраста.

– Мне и надо быть чуть постарше.

Тут позвонили в дверь. Света всполошилась – на ней были лишь трусы, футболка и шлёпанцы. Мюрат хищно наострил ушки.

- Ты кого-нибудь ждёшь? – поинтересовалась Рита.
- Нет! Никого не жду.
- Спроси, кто.

Света посмотрела в глазок. За дверью было темно. Можно было только понять, что там стоит женщина.

- Кто вам нужен?
- Мне нужна Света.

Света поспешно открыла дверь. Площадка была пуста.

Глава четвёртая

Корней Митрофанович выдумал для «Ромео и Джульетты» очень оригинальную мизансцену. Выглядела она так. Леди Капулетти и её дочка, то есть Тамара и Ася в маске, временно заменявшая здесь беременную Карину, взбежали на второй ярус сцены и там ложились ничком, сперва полуобнажившись. Кормилица, то есть Даша, сняв обувь, делала им массаж, голыми ногами топчя их голые спины. При этом она держалась за цепи, свисавшие с потолка, и весело разговаривала с двумя господами. Они стонали и ойкали. Этот номер, вполне себе эротичный, нравился всем, кроме двух его горизонтальных участниц. Они устраивали скандалы, жалуясь, что у Даши грубые пятки. Даша обиженно отвечала, что ей приходится много ходить пешком – не то что Макаровой, которая живёт рядышком, и Тамаре, которую всюду возит её любовник Артур. Тамару эти слова бесили, и справедливо – Артур её подвозил только от театра до метро, так как они жили в разных местах. Остальные девушки, осмотрев и ощупав Дашкины пятки, сошлись на том, что они – достаточно гладкие. Только секретарша директора, Вероника, встала на сторону жертв массажа. Тамару она терпеть не могла, но со второй жертвой дружила и, плюс к тому, лебезила перед потенциальной жертвой – Кариной. Как бы то ни было, это дело для Даши кончилось плохо.

Воскресным вечером шёл спектакль «Извращенки и проститутки». Он был поставлен по пьесе крайне бездарного драматурга, жена которого приходилась кумой директору. Публика на этот спектакль шла, поскольку он изобиловал понятно какими сценами, но актёры и режиссёр его ненавидели. Героинями пьесы были три проститутки, являвшиеся также и извращенками. Две из них обожали третью и, разумеется, живописно конфликтовали между собой. Этим двух играли Эля и Даша, третью – Тамара. Роль у неё была очень сложная. Приходилось петь а капелла – да не по-русски, а по-испански, изображать с Кремнёвым половой акт, бороться с маньяком и драть ремнём двух подружек – за то, что те ей небрежно сделали педикюр. Это всё Тамару бесило невероятно. За полчаса до спектакля она, будучи уже в гриме, отправилась к мужикам – попросить Кремнёва, чтобы он на сцене чулки с неё не снимал, поскольку она не побрила ноги. Идя, она в сотый раз повторяла слова проклятой испанской песни. Кроме Кремнёва, в гримёрке был Юрий Серафимович – пятидесятилетний актёр, который исполнял роль маньяка. Данная роль ему подходила – он обладал на редкость тяжёлым голосом и таким же тяжёлым взглядом. Когда Тамара вошла, Юрий Серафимович сидел в кресле, читая книгу. Кремнёв ходил взад-вперёд, о чём-то сосредоточенно думая.

– Но ведь Элька с Дашкой будут тебе ногти на ногах красить, – произнёс он, выслушав Тамару, – как с этим быть?

Тамара остолбенела на один миг. Потом рассмеялась.

– Ну я и дура! – заверещала она, ударив себя ладонью по лбу. – Это что такое? Ведь это клиника, Пашка! Самая настоящая клиника! Правда?

– Да пусть эти две мартышки тебе заодно и ноги побреют, – предложил Юрий Серафимович, оторвавшись от книги. – Лично мне кажется, что нелепостей в этой постановке должно быть больше. Люди пришли в кунсткамеру, так зачем показывать им среди полных банок две-три пустых? Автор поленился. Пробелы надо восполнить.

Тамара села на стул.

– Юрий Серафимович! Это всё не нелепости, а блевотина!

– Ну и что? Нормальные люди на этот шедевр не идут, а быдло блевотину жрёт взахлёб и просит ещё. Чем ты недовольна?

– Я недовольна тем, что схожу с ума! У меня заскоки. Вы сами слышали. И такое часто бывает. Может, мне таблетки какие-нибудь попить?

– Но если ты будешь таблетки запивать водкой, они тебе навредят.

Тамара задумалась.

– А что делать?

– Да ничего ты с этим не сделаешь. И не надо с этим ничего делать. Рассеянность – это свойство гениев. У Софьи Ковалевской в школе по арифметике была двойка.

– Так значит, если человек – плохой тактик, он обязательно хороший стратег? – вступил в разговор Кремнёв. – По-моему, не всегда.

Юрий Серафимович закрыл книгу.

– Тамара, твоя забывчивость – это уникальный путеводитель. Забыла ноги побрить – спектакль от этого только выиграет. Забыла про ногти – пришла сюда, и я тебе дал полезную информацию. По дороге в аэропорт ты вспомнишь о том, что забыла паспорт, вернёшься – и самолёт развалится в воздухе без тебя. У меня есть книга про это. Во вторник я тебе её принесу.

– Книга называется Библия, – перебил Кремнёв. – Сонька мне сказала, что там написано: «Любящим Господа всё содействует ко благу». Короче, хватит грузить её, Серафимыч! Ты что, не видишь, она всё это серьёзно воспринимает! А у неё в голове – дыра! Никто ведь не знает, чем это кончится.

Кончилось это тем, что Тамара пошла к охранникам и спросила, нет ли у них чего-нибудь выпить. Они её угостили. И в результате спектакль, действительно, удался. Исполняя песню, Тамара чудом попала в несколько нот. Но всё-таки у неё возникло чувство неловкости, и она решила загладить свою оплошность крайним усердием в поединке с маньяком и в эротической сцене. И проявила столько усердия, что у Юрия Серафимовича возник под глазом синяк, а жена Кремнёва, присутствовавшая в зале, выбежала с рыданиями. Потом началась истерика и у Дашки. Тамара не сама села в кресло для педикюра, а усадила её, сняв с неё чулки, да вместо того, чтобы наносить ей на ногти лак, стала шлифовать её пятки. Точнее, левую пятку. Правой занялась Эля. У неё просто не было выбора. Зал захлёбывался восторгом, поскольку Дашка, очень чувствительная к щекотке, полчаса корчилась в адских муках и так визжала, что было слышно на улице. Про ремень Тамара вовсе забыла. Публике, впрочем, было достаточно и того, что ей предоставили. Почти сто человек из ста кричали Тамаре «Браво!» Но, несмотря на это, помощница режиссёра, Маринка, встретив её за кулисами сразу после спектакля, велела ей зайти к шефу.

– Это ещё зачем? – спросила Тамара. – Я что, косячила?

– Нет, всё было отлично. Видимо, он решил повысить тебе разряд. Ты, главное, выпей сейчас как можно больше воды и над унитазом как можно глубже два пальца запихни в рот, а потом иди.

Тамара последовала совету. Это отчасти вернуло ей здравомыслие. Кабинет худрука располагался на втором этаже. Забыв постучать, Тамара вошла. Корней Митрофанович с беспредельной грустью курил, сидя за столом. Курила и некурящая Ангелина Дмитриевна, музрук. Именно она оттачивала с Тамарой звучание её песенки, которая была введена в спектакль не так давно. Ангелина Дмитриевна сидела под приоткрытой форточкой.

– Что случилось, мадам Харант? – спросил режиссёр, устало разглядывая Тамару, без приглашения опустившуюся на стул. Она объяснила ему, что купила квас, а он оказался перебродившим.

– А как назывался квас? – вяло перебил Корней Митрофанович. – «Амаретто»? «Баккарди»? «Хэннесси»?

– Нет, «Столичная», – еле слышно вымолвила Тамара и улыбнулась. – Больше такого не повторится. Прощу меня извинить.

Корней Митрофанович очень быстро переглянулся с бледной и неподвижной, как изваяние, Ангелиной Дмитриевной.

– Тамара! Я полагаю, ты знала, на что идёшь, когда подносила к губам стакан?

– Корней Митрофанович! Разумеется, знала. Когда я вам «Без вины виноватые» сорвала, вы мне очень строго сказали, что если я себе ещё раз такое позволю, буду уволена. Но ведь этот спектакль сейчас был сыгран!

– Не спорю. Вокал особенно удался, а за порнографию нас, возможно, не привлекут. Если повезёт. Но только это был твой спектакль, а не мой. Тебе так не кажется, моя радость?

Тамара молча вздохнула.

– Ты проявила неуважение к публике, – вдруг решил пошутить Корней Митрофанович. – Это ясно?

– Ясно.

– Иди. Ещё раз нажрёшься – пойдёшь работать уборщицей, потому что ни в один театр тебя не возьмут. Я это тебе устрою. Ты меня знаешь.

Тамара медленно поднялась. Направилась к двери. Вдруг повернулась. Корней Митрофанович поглядел на неё досадливо.

– Что тебе?

– Корней Митрофанович, а вы что думаете про Свету?

– Про Свету? А, про уборщицу нашу двадцатилетнюю? Ничего плохого я про неё не думаю. Презабавненький ангелочек. Надеюсь, ты с ней не дружишь?

– Да я нормальная, – процедила Тамара с внезапным ледяным бешенством. – Что вы все ко мне прицепились?

И она быстро вышла из кабинета.

Глава пятая

В понедельник, который был для работников театра выходным, Соня шла к Эльвире и Даше. Она решила нагрянуть к ним неожиданно, так как знала наверняка, что по телефону в гостеприимстве будет отказано. У неё с ними было отлаженное взаимодействие по нытью и всем остальным видам болтовни, но не безграничное, потому что она дружила с Войненко. Анька внушала этим двум девушкам опасения. И не только им. Она была слишком шумная, резкая, предприимчивая. Ни одна из этих характеристик к Соне не подходила, и посему она, дружа с Анькой, остро нуждалась в контакте с более рассудительными коллегами. В этот день – особенно остро.

Эля и Даша снимали трёхкомнатную квартиру в панельном доме с жёлтыми стенами. От театра до него было десять минут на трамвае, тридцать – пешком. Соня жила ближе, примерно на полпути. Она очень торопилась, часто поскользываясь и взмахивая руками, чтоб не упасть. Мороз щипал её за уши, до которых шапка едва дотягивалась, а руки и вовсе одеревенели, так как перчатки были забыты дома. Когда она стояла перед последней на её пути улицей, ожидая возможности перейти дорогу, к ней подошёл молодой человек с носатым лицом.

– Девушка, у вас зажигалки не будет?

Она дала ему прикурить. Глаза его стали наглыми, и он так недвусмысленно раздевал её ими, что было мерзко. Выдохнув дым, он проговорил:

– Да у тебя рот весь синий! Ты, вообще, живая?

– Отвянь!

Тут вспыхнул зелёный свет. Соня поспешила этим воспользоваться. Ей было очень не по себе от встречи с нахалом. Если бы она шла по другим делам, дурацкая шутка прошла бы мимо ушей. Но сейчас такого произойти не могло. Прибавляя шагу, актриса яростно убеждала саму себя, что, будь у неё перчатки, этот дебил огрѐб бы несколько раз по физиономии.

Поднимаясь пешком на пятый этаж, она успокоилась и согрелась. Дверь ей открыла Эля. Если внезапное появление Сони её и обескуражило, то она сумела блистательно это скрыть. Её тёмные глаза радушно захлопали.

– Ух, ты! Сонька! Привет! Вот это сюрприз! А ну, проходи давай! Дашка, Дашка!

– Я мимо шла – дай, думаю, забегу, проведаю, – врала Соня, вешая на крючок пальто. – Позвонить хотела, да руки заледенели.

Эля, заперев дверь, кинулась на кухню, где что-то жарилось и варилось. Даша с огненно-рыжими, ещё влажными волосами вышла из ванной. Она была обёрнута полотенцем.

– Сонька, здорово! Элька меня тут красила. Как тебе?

– Офигенно! Ты всё-таки это сделала? Молодец. Я не помешаю?

– Наоборот, поможешь! Пиво допить. Вчера Лёшка откуда-то притащил его литров пять! Оно натуральное. Не допьём сегодня – придѣтся в унитаз вылить.

– А Лёшка дома?

– Не знаю. Если и дома, то у себя.

Алексей Авдеев также работал в театре. Вот уже целый год он встречался с Дашей. Все удивлялись их отношениям, постоянно скакавшим от абсолютного кризиса к абсолютной гармонии и обратно.

Эля, тем временем, со своими делами на кухне разобралась – в одной сковородке что-то перемешала и огонѐк под нею убавила, под другой убрала совсем, в большую кастрюлю бросила соли. Детальным образом обсудив новый цвет дашкиных волос, три актрисы расположились в гостиной, за низким столиком. Две хозяйки мигом его накрыли, притащив с кухни жарен-

ную картошку, сосиски, пирожки, пиво. Даша сменила банное полотенце на длинный красный халат. На Эле был розовый и короткий.

– Вы давно встали? – спросила Соня, сделав глоток из стеклянной кружки.

– Давно, – ответила Даша. – Хотим сегодня, в конце концов, фотки развезти по агентствам. А сколько ещё тянуть? Можно и отправить по электронной почте – две тысячи третий год на дворе, но всё-таки будет лучше самим там покрасоваться.

– Дайте посмотреть фотки-то!

Эля встала и принесла сотню фотографий, своих и Дашкиных. Соня стала их изучать, делаясь впечатлениями. При этом она, хоть руки и рот её были заняты, умудрялась великолепно делать ещё два дела – всё подряд есть и запивать пивом.

– Классные фотографии, – резюмировала она, утолив и голод, и любопытство. – Сколько платили за них?

– Десять косарей, – вздохнула Эльвира.

– Не очень дорого, кстати! Фотки отличные. Надо Светке их отнести. Вы к ней собираетесь?

Эля с Дашей переглянулись.

– А вы когда планируете собраться? – спросила первая.

– Да планировали сегодня. Праздник как раз.

– Ой, точно! – вспомнила Дашка, взяв пирожок. – Старый Новый год! А мы за него не выпили.

Упущение было тотчас исправлено. Ставя кружку, Соня продолжила:

– Но сегодня не получается. Вы не можете и Войненко не может. Тамарка спит, и вряд ли она глаза продерёт до вечера. Так что, через неделю.

– Ты знаешь, Сонька, мы не пойдём, – отрезала Даша, вытягивая из пачки длинную сигарету. Телефон Эли вдруг зазвонил. Взяв его, она торопливо вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Дашка закурила.

– Как не пойдёте? – спросила Соня, вновь беря вилку, чтобы доесть картошку из сковородки. – Вы что, с ума сошли? Это шанс!

– Шанс попасть в психушку. Мы почитали про этот дом в интернете. Это действительно страшный дом. По нему бродит привидение.

Соня быстро отчистила сковородку от подгорелок и раздражённо бросила в неё вилку.

– Дашенька, хватит! Ты не ребёнок. Большая девочка. Ведь понятно, что это бред!

– Я знаю, что так считает Войненко, а ты за ней повторяешь. Но те, кто жил в этом доме и кто сейчас там живёт, думают иначе. Хочешь – иди. А мы не пойдём туда. Мы не дуры.

Вернулась Эля с мрачным лицом.

– Кто тебе звонил? – спросила у неё Даша, когда она уселась за стол и выпила пива.

– Да Лёшка твой!

– Что он хочет?

– Вещи забрать.

– Пускай забирает. Но только ночью.

– Я ему это уже сказала. А он ответил, что ночью он сильно занят.

Дашка расхохоталась. Потом задумалась, погасив окурочек. Потом взяла ещё одну сигарету.

– Вот идиот! Он думает, мне ещё интересно, занят он ночью или не занят! Какое мне до этого дело? Элька, ну скажи, вот какое мне до этого дело?

– Тебе до этого дела нет, – согласилась Эля.

– Вот именно! – подхватила Дашка, щёлкая зажигалкой. – Он теперь, сука, по ночам занят! Тут ему было заняться нечем, а там он занят! Я в шоке! Сейчас прямо разревусь! На, кури мои.

Эля закурила, глядя на Сою.

– О чём вы тут говорили? Почему Сонька бледная?

– Да курить пытается бросить, – рассеянно проронила Дашка, улетев мыслями далеко. – Поэтому и психует. Ты расскажи ей про этот дом, в который она идти собралась!

Эля недовольно поморщилась.

– Дашка, хватит! Я не хочу никому ничего рассказывать. У неё есть компьютер, есть интернет и есть на плечах башка. Пусть сама посмотрит.

– Нет, лучше ты расскажи!

– Не ходи туда, – сухо и невнятно бросила Эля, с досадой глядя на свои ногти. – Вот чёртов лак! Опять облезает. Войненко, тварь, мне его всучила на день рождения! На помойке, что ли, нашла?

– Это в её духе, – пожала плечами Даша.

Соня не выдержала.

– Кретинки! Если вы мне ничего не скажете, я уйду! Что за отношение к человеку? Я ведь действительно очень сильно хочу курить!

– По этому дому бродит какое-то существо, – сообщила Эля, поставив ноги пятками на диван, чтобы осмотреть ногти на них. – Оно звонит в двери к красивым женщинам, и спустя какое-то время их обнаруживают повешенными. А стоит тот дом на могиле девушки, у которой увели парня, что побудило её свести счёты с жизнью.

– Таких историй можно придумать сколько угодно, – пробормотала Соня, взяв сигареты и положив их обратно. – Где доказательства?

– Есть свидетели. Эти женщины не одни были дома, когда к ним в дверь позвонила смерть.

Соня очень пристально поглядела сперва на Дашу, затем на Элю. Они курили. Их лица были серьёзны.

– Так вы считаете, лучше мне туда не ходить?

– Ты думай сама, – отозвалась Даша. – Только своей головой, не Анькиной. Анька полезет в любую задницу ради роли в каком-нибудь сериале. Тебе-то это зачем?

– Да, ты ведь талантливая, – прибавила Эля. – Тебе и так дадут роль, если ты захочешь. Но ты для этого ничего не предпринимаешь. А уж пора бы! Фотки у тебя есть. Поедешь сегодня с нами?

– Сегодня – нет.

– Почему?

– Да дома проблемы. Сегодня мне совершенно не до поездок.

Эля и Даша молча вздохнули. Весь театр знал, какие проблемы были у Сони.

– Переселяйся к нам, – предложила Даша, гася окурок. – Вот комната для тебя! Нам вдвоём платить за эту квартиру дорого, а втроём – нормально. Сколько ты ещё будешь мучиться с этой пьянью?

– Да я везде буду мучиться, – проронила Соня и улыбнулась. – Мне никуда не уйти от этого! Я ведь проклята.

Эта тема также была известна. Эля и Даша одновременно бросили взгляд на маленькие часы, стоявшие на комод. Это не ускользнуло от Сони.

– Вот пригласить Риту на спектакль можно, – поторопилась Даша прервать неловкую паузу. – А почему бы и нет? Давайте её на "Не покидай меня" позовём.

– Ты с ума сошла? – удивилась Эля. – Войненко будет наигрывать, всё испортит!

– Ну, тогда можем на "Три сестры" пригласить. Войненки там нет уже почти год.

– Так Соня ей всё расскажет, и она там окажется вместо Аси, которая заболит! Ася ей будет крайне признательна.

– Ой, как хочется закурить, – чуть не прослезилась Соня и взяла кружку. Сделав глоток, решительно поднялась. Ей было уже пора.

– Посиди ещё, – предложила Эля.

– Нет уж, пойду.

Её проводили нетерпеливыми поцелуями. Открывая дверь, она провела рукой по дашкиным волосам.

– Как бы Митрофанович тебя завтра налысо не обрил! Ты зря это с ним не согласовала.

– Ну вот ещё! Карина почти каждую неделю красится в новый цвет.

Эля усмехнулась.

– Это Карина! Ей можно всё.

Идя вниз по лестнице, Соня вынула телефон и набрала номер Аньки Войненко.

Глава шестая

Вечером в четверг Тамара Харант и скрипачка Вера встретились на станции метро «Семёновская», у третьей колонны. Вера приехала со стороны центра. Она была с инструментом.

– Как отыграла корпоративчик? – поинтересовалась Тамара, когда они поднимались по эскалатору.

– Так себе. Контингент был вполне вменяемый. Но девчонка – тупая! Просто тупая. Жаль, что ты не смогла.

– Ой, не говори! Я Дашку, суку, убью! Что ей стоило подменить меня в «Бесприданнице»? У неё, видите ли, планы на вечер! Знаю я эти планы. С Лёшкой пошла в бассейн. Просто мразь!

– Да ладно! Может, оно и к лучшему. На корпоративе ты бы, скорей всего, нажралась.

– Верка, не гони! Я что, идиотка?

– Да.

Выйдя из метро, они закурили под фонарём.

– Давай постоим, – предложила Верка, глядя по сторонам. – Я думаю, ещё рано.

– Слушай, я задубею стоять в чулках!

– Да чего ты гонишь? Брюки-то у тебя шерстяные, тёплые!

Было градусов восемь ниже нуля, а время перевалило за десять. Машины шли мимо площади сплошняком. Трамваев с маршрутками ждали целые толпы. Кинотеатр на противоположной стороне улицы весь мерцал голубой подсветкой.

– Если тебя возьмут, ты сможешь работать разве что по ночам, – заметила Верка, сплюнув. Она была невысокая, тонкая, сексапильная, с выразительными глазами и крупным носом. Одевалась дорого.

– У меня других вариантов нет, – сказала Тамара, ёжась в своей потёртой дублёнке. – Вот нет, и всё! И ты это знаешь.

– Дура! Ты говорила, что от Артурчика даже дерево залетит!

– Значит, я тупее, чем дерево.

– Да сходи к другому врачу! В Москве этих клиник больше, чем булочных, твою мать!

– Верка, отвяжись! Сказала – без вариантов, значит – без вариантов.

Скрипачка шумно вздохнула.

– На хер тебе ребёнок? Ты говорила миллион раз, что детей не хочешь и не захочешь!

– А Артур хочет. Мне тридцать семь, ему – двадцать шесть, и своя квартира! Где я такого ещё найду?

– И сколько стоит ЭКО?

– Триста косарей.

– Ох, я не могу! Зоопарк какой-то! Пошли.

По покрытой льдом Щербаковской улице народ двигался, в основном, к метро.

– Тамарка, я тебя сразу предупреждаю, что это – в последний раз, в первый и последний! – пиццала Верка, ежеминутно с кем-то сшибаясь и энергично размахивая футляром, чтоб от неё все шарахались. – Я не буду работать в баре! Мама меня за это сожрёт с говном! Поняла?

– Поняла, заткнись!

– Ой, я падаю! Ой! Тамарка, какого лешего ты меня подпрягла на это дерьмо? Ведь вы же все вместе договорились у Светки на новоселье закорюфаться с этой девкой!

– Во-первых, там и Войненко будет. А это – конец всему. Во-вторых, мне лучше без этой девки сразу закорюфаться с Хордаковским!

Тамара могла бы говорить тише. Человек сорок остановились и провожали её глазами, пока она не исчезла среди других прохожих.

– Думаешь, он тусуется в этом баре? – визжала Верка, пытаясь не отставать от неё, что было довольно проблематично.

– Всё может быть.

– Я сейчас башку себе разобью! Тут скользко! Где этот бар?

– Да вон он, за магазином!

У Верки было слабое зрение.

– Где? Не вижу!

– Да вон, весь светится! Ой, что там нарисовано!

– Что, что, что?

– Красивая девка с голыми сиськами и с бокалом! Это Патриция Хольман, что ли?

На самом деле нужно было пройти ещё целых два магазина – «Автозапчасти для иномарок» и «Снежную королеву». Оба они были огромные. Разглядев метров через сто Патрицию Хольман, Верка хихикнула.

– Она чем-то похожа на нашу Сонечку!

Перед самым порогом бара одна нога у Тамары вдруг заскользила вперёд, вторая последовала за ней, и произошло падение – с воем, с визгом, с матерной бранью. Скрипачка с таким же визгом ринулась к пострадавшей, чтоб либо её спасти, либо умереть от горя над её трупом. Но ни того ни другого сделать ей не пришлось. Тамару галантно поднял мужчина. Он выходил из большого чёрного «Мерседеса», который подкатил к бару и занял место среди полтора десятков столь же великолепных автомобилей.

– Ну, вы даёте, – сочувственно произнёс джентльмен, рукой в кожаной перчатке отряхивая артистку сзади. – У вас всё цело, мадам? Может быть, в больницу вас отвезти?

– Нет, нет, всё нормально!

Не обращая внимания на кудахтавшую то справа, то слева Верку и потирая зад, ужасно невовремя получивший два синяка, Тамара прищурилась на мужчину. Он был чуть младше её, чуть пониже ростом, хорош собой и одет под стать «Мерседесу» – расстёгнутое пальто, костюм, чёрные ботиночки, галстук. Взгляд его был пытливым, но добродушным.

– Спасибо вам, – сказала Тамара, морщась от боли. – Вот идиоты! Не могут лёд сколотить перед своим баром! Я могла запросто сломать ногу!

– Нельзя ломать такое сокровище, – засверкал актёрской улыбочкой мерседесовладелец. Ох, до чего же он был хорош!

– Мы в суд на них подадим! – верещала Верка. – Мы заработаем кучу денег!

– Вы проиграете суд во всех трёх инстанциях, – возразил мужчина. Верка непонимающе засопела.

– Но как же так? Ведь здесь голый лёд! Вот, прямо перед ступеньками! У неё синяки, наверное, появились! Сейчас мы пойдём в травмпункт и всё задокументируем.

Джентльмен внимательно выслушал аргументы Верки, затем кивнул и задал довольно странный вопрос:

– Вы зачем хотели сюда войти?

– Мы ищем работу в баре, – сказала в ответ Тамара. – У нас есть номер. Она играет на скрипке, а я танцую стриптиз.

– Стриптиз? Под скрипку?

– Да, без шеста. Под классику, блюз и танго.

– И вы пришли сюда в первый раз?

– Совершенно верно.

– Ну, хорошо. Пойдёмте. Меня зовут Алексей.

Две дамы представились. Алексей, не слушая их, взошёл на ступеньки и открыл дверь. Служительницы искусства смело вошли. Тамара при этом пихнула скрипачку локтем – дескать, что, поняла, как надо?

– Со мной, – бросил Алексей охранникам в смокингах, войдя следом. – Арина сейчас на месте?

– Да, у себя.

Сдав свои пальто в гардероб, Алексей и две его спутницы поднялись по мраморной лестнице к другой двери. Её открыл ещё более представительный и холёный охранник, стоявший возле неё так окаменело, что Верка вздрогнула, когда он вдруг взял да и положил ладонь на дверную ручку.

Бар соответствовал своему названию лишь отчасти. Да, на стенах висели огромные фотографии раритетных автомобилей. Да, свет тонул в каком-то сизом тумане. Да, позади барной стойки поблёскивал в полутьме большой медный щит. Но за этой стойкой вместо полуседого кельнера с аккуратным пробором стояла стройная неулыбчивая блондинка с лицом шотландского типа и украинской причёской – коса вокруг головы. Но не хуторская, а гимназическая косичка с длинными прядями на висках. Шотландская панночка была в галстук и жилетке поверх крахмальной сорочки, а её тусклые ледяные глаза из-за макияжа казались ещё и очень зловещими. Несмотря на все эти ухищрения, посетители бара сидели только за столиками. Едва ли леди с косой по этому поводу горевала. Она от нечего делать трогала языком то одну губу, то другую, положив руки на стойку, и отбивала пальцами ритм негромкого блюза, который плыл из великолепных динамиков.

– Здесь, пожалуйста, подождите, – указал Алексей на две табуретки около стойки и, обогнув последнюю, тут же скрылся в каком-то дверном проёме.

Оказавшись под удивлёнными взглядами завсегдатаев элитного заведения, две работницы театра не стушевались. Взобравшись на табуретки, они скептически изучили ассортимент, потом закурили и заказали по сто грамм рома «Бакарди».

– Колой разбавить? – осведомилась блондинка.

– Мне – да, – отозвалась Верка. – И бросьте ещё в бокал два кусочка льда, если вам не сложно.

– А мне налейте колы отдельно, – потребовала Тамара. – И кстати, как вас зовут?

– Меня зовут Вика.

– Классное имя, – кивнула Верка, умевшая извлечь толк из любой блондинки, – и классный носик.

– Ваш носик гораздо оригинальнее, – изрекла блондинка чистую правду и шустро выполнила заказ. Когда две подруги сделали по глотку, она поинтересовалась:

– А это скрипка?

– Скрипелка, – махнула Верка рукой. – Скрипка начинается с двадцати тысяч долларов.

– О! А сколько стоит ваш инструмент?

– Семнадцать.

– Ого! И где вы на нём пиликаете?

– В раю, – сказала Тамара. – Любое место, где Верочка начинает играть, становится раем.

По крайней мере, так кажется всем, кто слушает.

– В это очень легко поверить. Она похожа на ангелочка.

– Точно! Безгрешное существо. Четыре аборта сделала исключительно потому, что у нас в театре сперма распространяется как зараза, воздушно-капельным образом.

– Тьфу, скотина! – фыркнула Верка, слегка забрызгав подругу ромом. – Вот тварь!

На официантках, обслуживавших столики, также были жилетки поверх крахмальных рубашек, узкие юбки, подчёркивавшие стройность их бёдер, и мокасины. С клиентами

девушки разговаривали подчёркнуто-деловито, на грани дерзости. Вероятно, таков был стиль заведения.

Ром ударил Тамаре в голову моментально.

– А ты когда-нибудь видела Хордаковского? – привязалась она к скучающей Вике. Та улыбнулась.

– Видела.

– Здесь?

– Да, здесь.

– И как он?

– Да ничего.

– А этот вот Алексей – он кто?

– Спроси у него, – пожала плечами Вика.

– А у тебя что, язык отвалится, если скажешь?

– Отвалится, потому что мне его оторвут.

– Да кому он нужен?

– А ну отстань от неё! – жёстко пресекла нелепый конфликт скрипачка. – Она работает!

– Ах, работает? Зашибись! Хороша работа! Мне бы такую. Да видать, рылом не вышла!

Вика немедленно начала протирать бокалы.

– Вам повторить? – холодно спросила она Тамару, как только та допила свой ром.

– Повторить. И глупых вопросов не задавать.

Шотландская леди взяла бутылку. Взгляд её был таков, что Верка перепугалась. Она решила – бутылка будет разбита об лоб Тамары. Но нет, ром хлынул в бокал. Восатся в него Тамара, к своей досаде и к величайшей Веркиной радости, не успела, поскольку в этот момент пришёл Алексей. Он был не один. Ему сопутствовал ещё более молодой, атлетичный, рослый, с весёлым взглядом и благородным носом блондин в толстовке и джинсах. Он был небрит. От него буквально веяло смертоносной для женщин наглостью. Верку он удостоил полусекундным взглядом, а на Тамару уставился, в показном восхищении раскрыв рот. Вика усмехнулась.

– Дамы, вас ждут в кабинете администратора, – сообщил Алексей, мотнув головой в сторону коридорчика, из которого вышел вместе с блондином. Сразу забыв о тех, к кому обращался, он сделал шаг к выходу из бара. Но ускользнуть от пьяной Тамары было не так-то просто.

– Одну минуточку, – ухватила она его за рукав. – Вы – друг Хордаковского?

Алексей взглянул на неё растерянными глазами.

– Что вы сказали?

– Я спрашиваю, вы друг Михаила Борисовича?

– А что?

– Ответьте, ответьте! Мне интересно.

Верка закатывала глаза. Вика протирала бокалы. Блондин был в диком восторге.

– Мне кажется, вы теряете время, – проговорил Алексей, выдернув рукав из пальцев Тамары. Но его тут же взял за рукав блондин.

– Лёха, Лёха, Лёха! Мне очень хочется это видеть. Я посмотрю. Пять минут. Окей?

– Но только не дольше. Я жду в машине.

И Алексей стремглав убежал, дабы уберечь свой рукав от очередной дурости. Не успели артистки слезть с табуреточной высоты, как на плечи им властно улеглись ручищи блондина.

– Ой вы, милашечки! – с хохотом кричал он, лихо увлекая их в коридорчик. – Сколько ж вы выпили? По сто грамм? Ой, какие лапочки! Маргарита Викторовна! Арина Юрьевна! Принимайте! Смотрите, какие это очаровашечки!

Кабинет, куда хохотун втолкнул двух приятельниц, оказался весьма просторным. Рита сидела в кожаном кресле, положив ноги на стул, и пила ликёр из бутылки. Её низкие сапожки

на каблуках валялись поблизости. Главный администратор бара, Арина Вронская, за большим офисным столом пила кофе. Кроме бокала с изображением полуголой туберкулёзницы, украшавшей наружный вход, перед ней стояли пепельница с бычками в помаде и моноблок компьютера «Макинтош».

– О, Денис Антонович, вот и вы! – вскричала Арина, вытаращив глаза на весельчака, по-прежнему обнимавшего своих спутниц. – Какое счастье! А мы уже успели соскучиться. Целая минута прошла с тех пор, как мы распрощались с вами навеки!

– Арина Юрьевна, вы, конечно, имеете право иронизировать! Через пять минут я уйду. Я просто не смог отказать себе в наслаждении посмотреть, как женщина раздевается. Вы ведь знаете, как я вас всех люблю – молоденьких, длинноногих!

Белозубо смеясь, блондин сделал шаг к свободному креслу и примостился на подлокотник. Рита с досадой цокнула языком и пошевелила пальцами ног, обтянутых чёрной тканью колготок. Бросила взгляд на часики. Воцарилось молчание, крайне тягостное для Верки. Рассеянный, злой взгляд Риты с предельной ясностью говорил о том, что более неудачный момент для знакомства с нею трудно было бы выбрать. Тамара также чувствовала себя неловко, что было ей не очень-то свойственно. Сто грамм рома как будто вдруг испарились из организма. Пока она собиралась с мыслями, чтоб решить, с чего начать разговор, Арина сама его начала:

– Ну, что вы умеете? Раздеваться? Так раздевайтесь! У нас для вас пять минут, и то лишь в том случае, если будет на что смотреть.

– Большое спасибо, – произнесла Тамара и огляделась. – Можно я возьму стул?

– Берите, но не ломайте.

Рита убрала ноги со стула. Переставив его на самую середину комнаты и проверив, крепок ли он, Тамара сняла ботинки. Верка, тем временем, извлекла из футляра скрипку с тусклым янтарным отсветом и смычок. Футляр взял блондин, после чего Верка слегка подстроила основной инструмент и винтиком натянула волос смычка. На Тамаре были тщательно выглаженные брюки, блузка и пиджачок.

– Что тебе играть? – сердито спросила Верка, вскинув скрипку к плечу.

– Сен-Санса.

– Тамарка, я тебе уже объясняла, что для Сен-Санса нужен ещё рояль!

– Ну, поиграй Брамса.

– Пятый или второй?

– Второй.

Смычок потянулся. Тонкие ноздри Верки раздулись, её левая рука скользнула по грифу в третью позицию. Скрипка взвывала проникновенно, глубоко, страстно. Танец, который поставил и скрупулёзно отрепетировал Виктор Левин, Тамара пятьдесят раз уже исполняла без единой ошибки. Она как будто не сбрасывала с себя предметы одежды, а незаметно выскальзывала из них – то двигаясь вокруг стула, как потревоженная пантера, то становясь на него коленками, то ложась животом и вытянувшись в струну параллельно полу. Сначала на пол упал пиджак, после него – блузка. Медленный темп венгерского танца взвился, как пламя. Из брюк Тамара выползла столь изящно, что привкуса дурновкусия не возникло ни у кого. Оставшись в одном белье и чулках, она оседлала стул и, зацепив стопами две передние его ножки, стала откидываться назад. Казалось, что стул вот-вот опрокинется. Но нет – руки Тамары коснулись пола. Затем на него легли и чёрные волосы. Неожиданным и волшебным образом слетел лифчик, как в старом советском фильме.

Видимо, Рита его и вспомнила, потому что внезапно расхохоталась, поставив на пол бутылку. Смех её был почти истеричным. Он испугал скрипачку. Она взяла фальшивую ноту, а потом сбилась совсем. Опустила скрипку. Тамара выпрямилась. Вскочила. Она была раздосадована. Поймав её взгляд, Рита перестала смеяться.

– Прошу прощения. Это было очень забавно. Стриптиз под классику! Обалдеть!

– Вот именно, обалдеть, – очень суетливо согласился Денис, взглянув на часы. Отдав футляр Верке, он быстро встал, подобрал пиджак и нежно укрыл им голые плечи Тамары, не преминув мимолётно коснуться ртом одного из них. Тамара не шевелилась. Она пыталась понять, что думает о ней Рита.

– Денис, признайтесь, часто вам приходилось одевать женщин, раздевшихся не для вас? – съехидничала Арина.

– Я, если честно, ни разу ни одной дамы не одевал, – хихикнул Денис. – Такая вот я свинья! Но я ни разу и не был в таком восторге. Эх, жаль, прошли пять минут! Мне пора бежать. Побегу. До встречи!

И убежал. Едва дверь за ним закрылась, Тамара, бросив пиджак на стул, стала одеваться. Верка молча совала смычок и скрипку в футляр. Арина докуривала, стуча по столу ногтями. Она при этом не отрывала взгляда от двери, как будто это был телевизор.

– Лак, – вдруг сказала Рита, когда Тамара зашнуровала ботинки и опять выпрямилась.

– Что – лак? – не поняла та. Внимательно глядя на её руку, которой она разглаживала свою голубую блузку, сбивая с неё соринки, Рита взяла бутылку и чуть-чуть выпила.

– Ногти лучше покрыть ярко-красным лаком. Бесцветный в зале будет смотреться так, будто его нет. Это не годится. Арина, ты как считаешь?

– Забей ты на этот лак, – сказала Арина. – Ей бы причёску сделать посовременнее.

– Вот уж это никак нельзя! – переполошилась Тамара, взглянув на Верку с такой мольбой, будто лишь она могла спасти ситуацию. – Меня режиссёр за это утопит! Я ведь играю классику!

– Ты работаешь в театре? – вяло спросила Рита, вытянув ноги. Тамара поторопилась стул к ним придвинуть, и бизнес-леди вновь возложила их на него.

– Да, вместе со Светочкой, – объяснила актриса, – с вашей соседкой. Она сказала мне, что вы вроде как собираетесь танцевальное шоу устроить у себя в баре, рассматриваете какие-то варианты. Вот я подумала...

– Поняла. Как тебя зовут?

– Тамара Харант.

Хоть этот ответ для Риты был ожидаемым, с её губ сорвался невольный возглас:

– Ага!

Она очень долго не отрывала глаз от Тамары. Потом скосила их на скрипачку.

– А это, стало быть, Вера? Фамилию не припомню.

– Да и не нужно, – отозвалась музыкантша. Рита задумалась.

– Хорошо. Очень хорошо. У вас ещё есть готовые танцы?

– Да, – сказала Тамара, – и очень много. Штук двадцать, если не больше.

Верка с готовностью закивала. Правда, кивнула она всего лишь пять раз, давая понять, что есть у неё одно небольшое «но». Никто этой тонкости не заметил.

– Как мы оформим их? – обратилась Рита к Арине.

– Официантками, – был ответ. – Мы ведь не проводим здесь никакие зрелищные мероприятия. Правильно?

– Нет, меня оформлять не надо, пожалуйста, – воспротивилась Верка. – Я взялась только помочь Тамаре устроиться на работу. С музыкой вам придётся как-то решать вопрос.

– Хорошо, решим, – согласилась Рита. – Живая музыка, в принципе, не нужна. А вот над костюмами надо будет подумать. Тамара, ты сможешь начинать в десять?

– По понедельникам – да. За прочие дни я не поручусь, всё будет зависеть от репетиций. Но уж никак не позже одиннадцати! И больше четырёх раз в неделю я не смогу работать. Физически не смогу.

– Хорошо, годится. Насчёт оплаты за смену или за выход с Ариной потом решите.

Верка была немного обескуражена тем, что её отказ от сотрудничества не вызвал ни у кого никаких эмоций. Защёлкивая футляр, она поинтересовалась:

– А что, её обязательно оформлять по полной программе? В толк не возьму, зачем?
– У официантки медкнижка ведь должна быть, – спохватилась Рита, на Верку даже и не взглянув. – Арина, мы сможем это как-нибудь обойти?

– Сможем, но зачем? Пускай сделает медкнижку. Клиника – здесь, на соседней улице. Послезавтра Наташка, кстати, туда пойдёт продлевать свою. Она там всех знает. Пусть идут вместе.

– Ладно, я с репетиции отпрошусь, – кивнула Тамара. – В субботу, да? А во сколько?

– А я сейчас её позову, – предложила Рита. – Договоритесь.

Соскочив с кресла, она без обуви торопливо вышла из кабинета.

– Паспорт с собой возьми, – сказала Арина. – И предварительно с ним подойди ко мне. Я выдам тебе запрос.

Тут вернулась Рита. С ней вошла рослая молодая официантка с приятным личиком и каштановыми кудрями, отчасти скрытыми под косынкой. Хищно накрашенные глаза девчонки смотрели холодно, тяжело. На её губах лежала помада с блёстками.

– Вот она, – указала Рита на повернувшуюся Тамару. Официантка прошла по ней быстрым взглядом и улыбнулась левым уголком рта.

– Я пойду туда к десяти. Устраивает?

– Вполне, – сказала Тамара. – А где встречаемся?

– Возле бара. Марго, я могу идти?

– Да, иди.

Наташа кивнула и вышла с таким лицом, будто послала тут всех на три буквы.

– Вот лошадь-то, – хмыкнула Арина. – Мозги ей надо проверить.

Рита, не отвечая, уселась в кресло. Было понятно, что она уже думает о другом.

– Мы тоже можем идти? – спросила Тамара.

– Да, разумеется. Телефон твой у Светки есть?

Тамара ответила утвердительно.

– Ну, до встречи тогда. Пока.

– До свидания, – проронила Верка и вышла. Тамара было направилась вслед за ней, но остановилась.

– Чуть не забыла. За ром платить Вике надо?

– За какой ром? – с досадой спросила Рита.

– Мы выпили по сто грамм «Бакарди».

– Нет, никому ничего не надо платить. Иди.

Плотно прикрыв дверь с другой стороны, Тамара решила возле неё постоять. Несколько секунд за дверью молчали. Потом послышался голос Риты:

– Ну, пусть пришлют учредителя. Я по телефону ни с кем говорить не стану.

– И что, тогда согласишься?

– Ты душой меня считаешь? Я буду только присутствовать, остальное – твоя забота.

– А Светенков не будет на мозги капать, что у меня таких полномочий нет?

– От него-то что, вообще, зависит? Он понтоваться ходит сюда.

– Вот это не знаю. Чтоб они сдохли! Все! И откуда Ельцин вытащил эту крысу?

Дальше уже Тамара не слушала, потому что Верка крикнула ей из зала, что больше ждать её не намерена. Весь обратный путь они обсуждали театр. Расстались на кольцевой. Тамара жила в общежитии на Китай-Городе, Верка – с мамой, в Реутово. Сняв пиджак после ужина и на всякий случай проверив его карманы, Тамара вдруг обнаружила в боковом какую-то пластиковую карточку. Это была визитка. Денис Антонович Светенков являлся оперуполномоченным ФСБ.

Глава седьмая

В клинику с Тамарой пошла не только официантка Наташа, но и барменша Вика, которая распустила косу и облачилась в кожаные штаны. Ей также пора было продлевать свою санитарную книжку. Бланк этого документа Тамара приобрела накануне. В регистратуре ей и двум её спутницам выдали обходные листы на семь кабинетов. За час они прошли шесть. Седьмым и последним пунктом в их обходных листах стоял энтеробиоз. Перед кабинетом была немалая очередь, состоявшая преимущественно из женщин. Одна из них, только что занявшая очередь, сообщила, что принимает медбрат, совсем ещё мальчик. Тамара схватилась за голову, но девушка, рассмеявшись, заверила её в том, что ничего страшного, процедура длится секунды три. Согласившись с нею, Тамара и её спутницы разместились на неудобных стульях и приготовились к долгому ожиданию. Вика сразу стала листать глянцевый журнал, который она минуту назад взяла с какого-то подоконника.

– Как мы будем медбрату такой анализ сдавать? – бесилась Тамара, косясь на дверь кабинета. – Откуда он взялся здесь?

Официантка, строча какую-то эсэмэску, дала ответ:

– Скорее всего, студент. Ребята из колледжей здесь частенько проходят практику. Со студентом, особенно с пацаном, легко сговориться. Рублей за триста-четыреста он легонько палочкой проведёт, и тогда анализ получится идеальный.

Эти слова слышала вся очередь. У Тамары сохло во рту. Ей уже хотелось выйти на улицу покурить, но она боялась, что не успеет. Немногословная Вика, одетая очень стильно, шуршала глянцевыми страницами, останавливая внимание на моделях в кожаных брюках. Она сама казалась одной из них, да притом не худшей. Стильными у неё были и макияж, и укладка. Видимо, после встречи с медбратом ей предстояло нечто не менее романтическое. Про Тамару сказать такого было нельзя, хоть её ждал вечером бал. В доме Капулетти. Взглянув на очередь, она всё же решила, что две или три затяжки сделать успеет. Но тут её телефон вдруг заулюлюкал. Она достала его. Номер показался смутно знакомым. Он вызывал какую-то подсознательную тревогу, и брать звонок не хотелось. Пока Тамара пыталась вспомнить, где она могла видеть этот порядок цифр, телефон умолк. Он был раскладной. Тамара его защёлкнула и задумалась. Этот странный звонок испортил ей настроение ещё больше. Приглядываясь к двум девушкам, горделиво шагавшим мимо неё после посещения кабинета, она подумала, что любая из них смогла бы сыграть леди Капулетти как-нибудь на свой лад, и вряд ли спектакль от этого стал бы хуже. Официантка будто подслушала её горькие мысли. Ей стало вдруг интересно, где обучают актёрскому мастерству, и под издевательский стон со стороны Вики она об этом спросила.

– Ну, я окончила Школу-студию МХАТ, – сказала Тамара. – Из крутых вузов есть ещё ВГИК, «Щука», «Щепка» и ГИТИС.

– А ты в кино не снимаешься?

– Да снялась в паре эпизодов какого-то сериала. Даже и вспоминать об этом не хочется.

– А твой парень нормально смотрит на то, что ты стриптизёрша?

– Я, прежде всего, актриса. И он актёр.

Минут через десять очередь подошла. Работницы бара направились в кабинет втроём. Медбрату на вид было лет семнадцать. Сосредоточенный, длинноносый, он деловито сидел за большим столом, снимая перчатки с белых и тонких рук.

– Добрый день, – кисло улыбнулась официантка с порога. – Можно войти?

– Входите. Медкнижки кладём на стол.

Слева от стола стояли три стула. Сдав медработнику санитарные книжки, дамы опять уселись, хоть и надеялись провести в кабинете не больше пяти минут. Мальчишка, тем временем, с важным видом раскрыл учётный журнал и начал какую-то писанину. Он не спешил. Тамару, конечно, это бесило. При этом мысли её никак всё не отлипали от предстоящего бала. Щёлкая крышкой «Нокии», она думала-гадала, как бы устроить так, чтоб Карина с Дашкой в самом начале сцепились и репетиция была сорвана. А ещё ей очень хотелось съездить юному фельдшеру по мордасам справа и слева, чтоб он не задирал нос. Она почему-то не сомневалась, что этот мальчишка – девственник. Вика и Наташа, казалось, думали так же. Они стержовозно шептались, глядя на медработника. И дошло это до того, что официантка решила к нему пристать.

– Ты практику здесь проходишь? – осведомилась она, вкладывая в голос большую дозу паскудства. Ответом ей был кивок.

– Какой молодец! Где учишься?

– В колледже при мединституте. На втором курсе.

– Как? Только на втором? А ты, вообще, совершеннолетний?

– Какая разница? Я не пиво у вас беру.

Это проявление остроумия побудило Тамару насмешливо поднять бровь, а Вику – взглянуть на шутника так, что он чуть не сдох. Чтобы это сгладить, пришлось ему спешно вооружиться печатью и штамповать какие-то посторонние документы. Делая это, он осмелел и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.